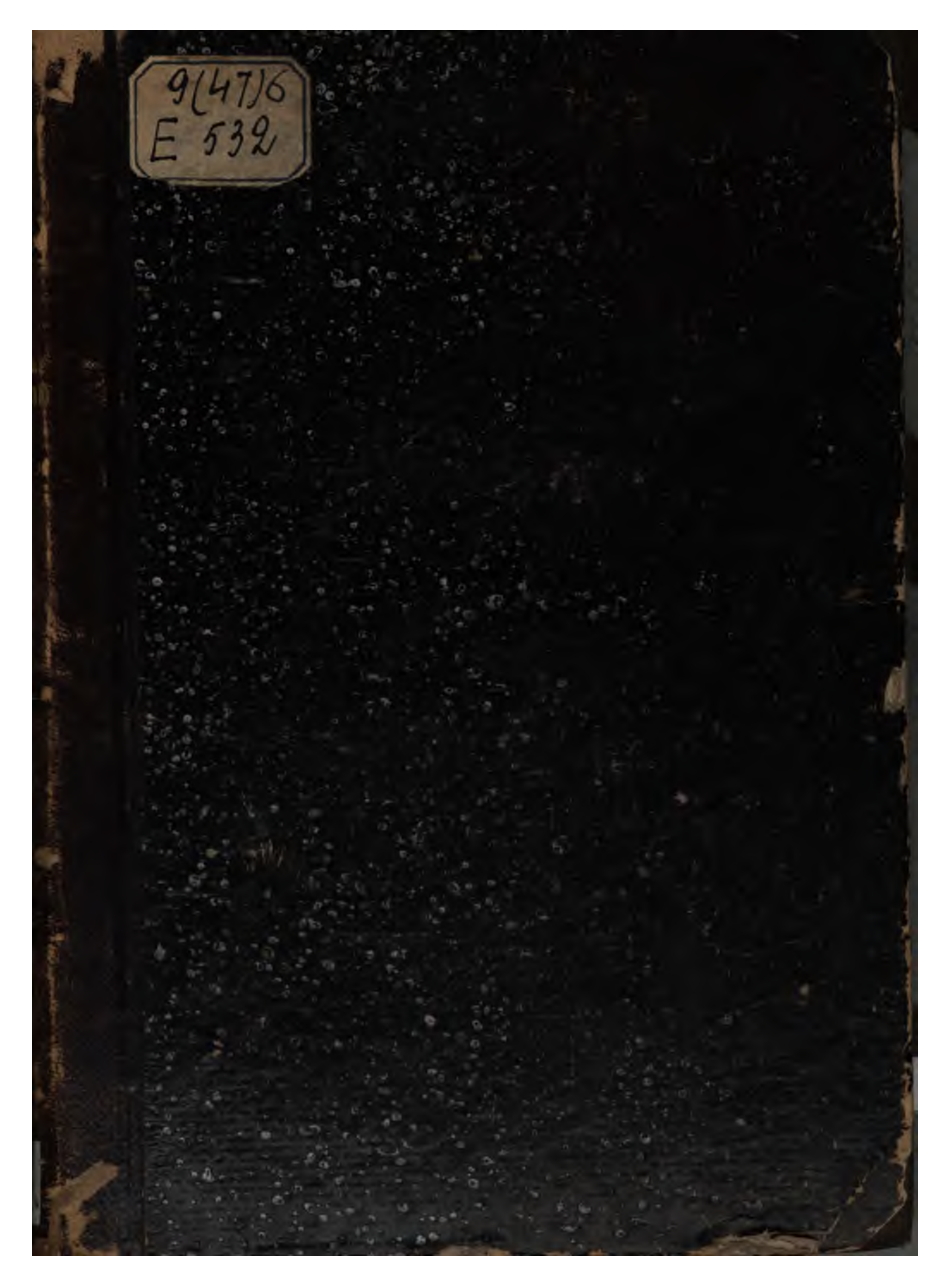
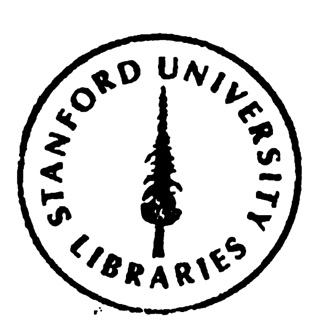

9(47)6
E 532

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИЗНЬ

ГРАФИНИ АННЫ АЛЕКСѢЕВНЫ

ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Елагина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.

1853.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.Петербургъ. 7 Іюля, 1853 года.

Цензоръ Архимандритъ *Іоаннъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По кончинѣ Графиня Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, Настоятель и иноки Новгородскаго Юрьева монастыря, признательные къ высокимъ ея благотвореніямъ обители, просили насъ составить описаніе жизни и дѣлъ ихъ благотворительницы. Тѣмъ менѣе можно было отказываться отъ труда пріятнаго, что мы надѣялись собрать нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній о подвигахъ и благочестіи покойной. Безпристрастный читатель раздѣлитъ наше убѣжденіе, что Графиня Анна Алексѣевна представляетъ разительный примѣръ благочестія и добродѣтели, примѣръ, напоминающій первые вѣка христіанства. Родившись въ блескѣ и богатствѣ, начавши жизнь въ нѣгѣ и роскоши, она лег-

ко отказалась отъ свѣтскихъ благъ, отъ мірскихъ наслажденій, и посвятила себя жизни уединенной, близкой къ отшельничеству. Изложеніе благочестивыхъ подвиговъ усопшей Графини, представитъ не только усладительную картину добра и самоотворженія, торжества духа надъ плотью, но и примѣръ, достойный подражанія. Описывая жизнь Графини Анны Алексѣевны, мы не могли не войти въ нѣкоторыя подробности, объ Іеромонахѣ Амфилохіи, Епископѣ Иннокентіи и Архимандритѣ Фотіи, подъ руководствомъ которыхъ развилось ея духовное совершенствованіе. Въ числѣ источниковъ, послужившихъ къ составленію настоящей книги, сверхъ личныхъ распросовъ у лицъ, близкихъ къ Графинѣ по различнымъ отношеніямъ, считаемъ долгомъ преимущественно указать на сочиненія краснорѣчиваго писателя А. Н. Муравьева «Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ» и «Воспоминаніе о Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ,» и на рукописное жизнеописаніе Архимандрита Фотія, бывшаго Настоятеля Юрьева монастыря, составленное священникомъ Новгородской градской Димитріевской церкви, профессо-

ромъ Духовной Семинаріи, Василіемъ Орнатскимъ.

Цѣль наша представить простой и правдивый разсказъ о дѣлахъ Графини Анны Алексѣевны; смѣемъ ожидать, что безъискуственная бесѣда объ усопшей вызоветъ читателя на благочестивое размышленіе, и, можетъ быть, не останется безплодною для его духовнаго преуспѣянія.

ГЛАВА I.

О родѣ Графовъ Орловыхъ.

Орловы происходятъ отъ древней благородной Германской фамиліи. Въ Россію перешли, въ давнее время, изъ Пруссіи. Одинъ изъ нихъ, отъ имени родственника своего Василія Орла, принялъ названіе Орлова.

При Петрѣ Великомъ, извѣстенъ Генералъ-Маіоръ Григорій Ивановичъ Орловъ, бывшій Новгородскимъ губернаторомъ. Въ Шведскую и Турецкую войны онъ находился во всѣхъ сраженіяхъ, и за отличное мужество и раны получилъ отъ Великаго Государя золотую цѣпь съ портретомъ Его Величества.

Изъ пяти сыновей его: Іоанна, Григорія, Ѳедора, Владиміра и Алексѣя,—братья Григорій, Ѳедоръ и Алексѣй, достигнувшіе степе-

ни первоклассныхъ вельможъ, славились рѣдкою неустрашимостію, мужественною красотою, обширнымъ умомъ и усердіемъ къ Престолу.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ, родитель Анны Алексѣевны, родился 1737 года 24 Сентября. Получивъ свойственное тому времени образованіе и воспитаніе, онъ съ раннихъ лѣтъ отличался, кромѣ другихъ способностей, особенною силою.

Съ дѣтства любя гимнастическія упражненія, Алексѣй Григорьевичъ такъ пристрастился къ нимъ, что не оставлялъ ихъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда былъ осыпанъ почестями и увѣнчанъ славою; увѣренность въ собственной силѣ до того простиралась въ Орловѣ, что иногда въ гимнастическихъ упражненіяхъ предлагалъ онъ значительныя награды тѣмъ, кто успѣетъ одолѣть его. Въ разсказахъ его современниковъ, мы не находимъ равнаго ему силою. При необыкновенной силѣ, природа одарила его прекрасною наружностью. Правильное лицо, умные и выразительные глаза, располагающая къ довѣрію улыбка, оживлялись пріят-

нею и привѣтливою рѣчью; съ такою красотою соединялъ онъ необыкновенную прозорливость и предпріимчивость.

Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II, Султанъ Мустафа объявилъ Россіи войну, подъ разными несправедливыми предлогами.

Русскій флотъ, никогда еще до того времени невыходившій изъ Балтійскаго моря, прошелъ чрезъ моря Атлантическое и Средиземное, и, къ удивленію и ужасу Турковъ, явился въ Архипелагѣ. Главнокомандующимъ морскими силами назначенъ Генералъ-Аншефъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. 24 Іюня 1770 года произошла знаменитая битва при Чесмѣ, въ которой Орловъ стяжалъ безсмертную славу и за которую получилъ въ послѣдствіи, въ 1774 году, по окончаніи войны, наименованіе Чесменскаго. Въ этой достопамятной битвѣ, занимающей почетную страницу въ Русской исторіи, отразился и *человѣколюбивый* характеръ Главнокомандующаго. Еще передъ окончаніемъ сраженія, предвидя блистательную побѣду, Графъ Алексѣй Григорьевичъ отдалъ приказаніе упо-

требить всевозможныя мѣры къ спасенію, какъ утопавшихъ и раненыхъ Турковъ, такъ и самыхъ непріятельскихъ кораблей и судовъ, находившихся въ опасности. Этимъ возвышенно-геройскимъ распоряженіемъ множество Турковъ вырваны, такъ сказать, изъ челюстей смерти.

Послѣ сраженія, Графъ переѣхалъ на Анатолійскій берегъ, и приказалъ въ присутствіи своемъ отыскивать раненыхъ, между грудами тѣлъ, лежавшихъ на берегу, и подавать имъ всякую помощь; возвративъ свободу не совсѣмъ обезсиленнымъ, безпомощныхъ онъ приказалъ кормить и лечить. Эта благородная черта въ характерѣ Чесменскаго героя придаетъ еще болѣе блеску имени его.

Съ наступленіемъ зимы Графъ Алексѣй Григорьевичъ, оставя флотъ при островѣ Паросѣ, отправился чрезъ Италію въ С.Петербургъ, для полученія личныхъ приказаній отъ Императрицы. Государыня приняла его милостиво и украсила военнымъ орденомъ Св. Георгія 1-го класса. Пробывъ нѣсколько дней въ столицѣ, Графъ возвратился въ Архипелагъ; проѣзжая чрезъ Вѣну, онъ имѣлъ ауді-

енцію у Австрійскаго Императора, который пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный бриллiантами. Отъ Австрійской Императрицы Графъ получилъ въ то же время золотую, осыпанную бриллiантами табакерку и драгоцѣнный перстень. Въ Италіи Графъ Алексѣй Григорьевичъ принятъ былъ, вмѣстѣ съ братомъ его Графомъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ, въ члены славной Кортонской академіи.

Императрица Екатерина достойно оцѣнила подвиги своего полководца: по заключеніи мира, Графъ Алексѣй Григорьевичъ, кромѣ титула Чесменскаго, получилъ похвальную грамоту, въ которой было прописано четырехгодичное владычество Русскаго флота въ Архипелагѣ и тамошнихъ моряхъ, подъ начальствомъ Чесменскаго героя, описаны побѣды подъ Чесмою и въ Мителенѣ, сожженіе непріятельскаго флота въ Чесмѣ и Патрасѣ, и прочіе славные подвиги Графа. Сверхъ того, онъ получилъ шпагу, украшенную алмазами, столовый серебряный сервизъ и шестьдесятъ тысячъ рублей. Государственная Адмиралтейская Коллегія поднесла Орлову медаль: на одной сторонѣ изображенъ портретъ Гра-

фа, съ надписью вокругъ: *Гр. А. Гр. Орловъ, побѣдитель и истребитель Турецкаго флота;* на другой планъ морской Чесменской битвы и надпись вокругъ: *и бысть Россіи радость и веселіе.* А внизу: *Чесма. Іюня 24 и 26*-го, *1770 г. въ благодарность побѣдителю отъ Адм. Кол.* Недовольствуясь этими наградами, Императрица пожелала увѣковѣчить память героя въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, и повелѣла поставить въ Царскомъ селѣ обелискъ, съ начертаніемъ на немъ золотыми буквами знаменитыхъ дѣяній Графа. Памятникъ этотъ существуетъ до сихъ поръ. Цѣльный камень Уральскаго мрамора, вѣсомъ въ 1950 пудовъ, поставленъ на подножіи изъ тесанаго дикаго камня. Кромѣ обелиска, въ память сожженія Турецкаго флота при Чесмѣ, воздвигнута на 7-й верстѣ отъ Петербурга, по Московской дорогѣ, церковь во имя Рождества Іоанна Крестителя, празднуемаго въ 24-й день Іюня, въ тотъ достопамятный день, въ который началось истребленіе Турецкаго флота. При церкви находился великолѣпный дворецъ, названный въ честь побѣдителя Чесменскимъ, а все селе-

nie около дворца и церкви наименовано Чесмою.

По возвращеніи изъ четырехлѣтняго похода, опасная болѣзнь заставила Графа Алексѣя Григорьевича просить увольненія отъ службы. Чтобы отдохнуть отъ трудовъ военной жизни и возстановить разстроенное здоровье, онъ поселился въ Москвѣ. Вскорѣ прибыли туда его братья, и въ древней столицѣ образовалась новая улица, застроенная домами Орловыхъ.

Какъ истинно Русскій, Графъ любилъ страстно всѣ отечественные, родные обычаи, нравы и увеселенія. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, какъ мы уже сказали, былъ одаренъ изумительною силою, и часто, въ кругу друзей, являлъ опыты этаго рѣдкаго дара природы. Но тѣлесныя преимущества несоставляли въ глазахъ Графа (какъ и всякаго человѣка благомыслящаго) особеннаго достоинства. Высшее, болѣе важное достоинство, отличало его — внимательность къ нуждающимся и достойнымъ покровительства. Его домъ современники называли мирнымъ убѣжищемъ злополучія и нищеты. Благотворе-

ГЛАВА II.

Рожденіе и воспитаніе Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

1782 года, въ 6-й день Мая, Графъ Алексѣй Григорьевичъ вступилъ въ бракъ съ Авдотьею Николаевною Лопухиной. Свадьбу торжествовали съ возможнымъ великолѣпіемъ, въ подмосковной Графа, въ селѣ Островѣ, гдѣ обыкновенно проводилъ онъ лѣтнее время. Почти вся Москва была свидѣтельницею торжества, продолжавшагося нѣсколько дней. Единодушно желали всѣ счастія Графу; по видимому, все обѣщало благополучіе. Воспитанная въ простотѣ нравовъ и строгомъ благочестіи, молодая Графиня вступила въ бракъ на 20-мъ году; при красивой наружности, славилась она добродушіемъ и привѣтливос-

тію, была набожна, непропускала церковнаго служенія не только въ праздники, но и въ дни обыкновенные, не любила нарядовъ и никогда не надѣвала бриліантовъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ особенному мнѣнію мужа, который говаривалъ, что человѣкъ красуется душевными свойствами, что никакія драгоцѣнности не украсятъ порочной души и никакой искуственный блескъ не закроетъ порока.

Чрезъ три года, 2-го Мая 1785 года, родилась Графиня Анна Алексѣевна. Императрица, бывъ въ это время въ Москвѣ, приняла милостивое участіе въ домашней радости Графа.

Семейная жизнь еще болѣе утвердила героя Чесменскаго въ добродѣтели. По прежнему былъ онъ душею Московскаго общества, всегда готовый на всякое доброе дѣло.

20 Августа 1786 года, при рожденіи сына Іоанна, скончалась Графиня Авдотья Николаевна, въ Москвѣ, на 25-мъ году. (*) Тѣмъ

(*) Графъ Іоаннъ Орловъ-Чесменскій былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ, и чрезъ годъ, по своемъ рожденіи, скончался.

болѣе поразила Графа смерть супруги, что была неожиданна. Опять съѣхался цѣлый городъ, но уже не на ликованье праздничное, а на отданіе послѣдняго долга усопшей, чтобы пожелать искренно блаженнаго покоя. Не одни богатые и знатные пришли къ усопшей; явились тамъ бѣдные и нищіе изъ всѣхъ концевъ обширнаго города, окружили домъ и непритворными слезами свидѣтельствовали, что не любопытство влекло ихъ къ умершей, а чувство скорби о потерѣ благодѣтельницы и дань чистосердечной благодарности за ея благодѣянія, оказанныя имъ въ разныхъ случаяхъ.

Отпѣваніе происходило въ церкви Положенія Ризъ Господнихъ; оттуда, при многочисленномъ стеченіи народа, перенесли тѣло въ Московскій Андроніевскій монастырь, гдѣ и доселѣ покоятся останки кроткой и добродѣтельной Графини Авдотьи Николаевны.

По смерти супруги, Графъ Алексѣй Григорьевичъ сосредоточилъ все вниманіе на воспитаніи дочери. Понимая важность первоначальнаго образованія, когда полагается основаніе будущему развитію способностей,

дается направленіе мысли, на всю послѣдующую жизнь ребенка, Графъ Орловъ пригласилъ въ наставники къ дочери людей образованныхъ, соединявшихъ съ просвѣщеннымъ умомъ неиспорченность нравовъ и религіозность—этотъ краеугольный камень образованія. Плоды родительскихъ заботъ отозвались при самомъ началѣ образованія и созрѣли въ послѣдствіи.

Семи лѣтъ Графиня имѣла уже достаточное понятіе о разныхъ наукахъ, училась языкамъ: Французскому, Англійскому, Нѣмецкому и Италіянскому. Въ этомъ возрастѣ она была пожалована въ Фрейлины къ Высочайшему Двору.

Такъ проходила жизнь Графа Алексѣя Григорьевича, окруженнаго общимъ уваженіемъ, въ заботахъ о воспитаніи дочери; Графъ не переставалъ пользоваться и милостями Императрицы, какъ видимъ изъ приведеннаго здѣсь письма, написаннаго по случаю побѣды, одержанной Русскимъ Флютомъ надъ Шведскимъ, въ 1790 году.

«Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Божіей «премудрости хвалу воздавъ за чудеса Его,

«во первыхъ когда при Ревелѣ Адмиралъ Чи-
«чаговъ съ десятью линейными кораблями
«отражалъ 28 непріятельскихъ, изъ коихъ
«одинъ взялъ, а другой сами Шведы посадя
«на мель сожгли: потомъ тотъ же Адмиралъ,
«имѣвъ въ своей командѣ много оставшихся
«во флотѣ учениковъ вашихъ, у коихъ въ свѣ-
«жей еще памяти храбрость Чесменскаго по-
«бѣдителя, въ Выборгской бухтѣ совершен-
«ную побѣду одержалъ надъ Шведскимъ ко-
«рабельнымъ и гребнымъ флотами, о которой
«до нынѣ еще не всѣ трофеи извѣстны, ибо
«ежедневно приводятся, и приведена еще се-
«годня галера, о которой никто не зналъ:
«тогда нельзя необратить взоръ съ благодар-
«нымъ сердцемъ на того, кто таковыхъ по-
«бѣдъ у насъ на морѣ открылъ свѣту въ
«первые.»

«Не дивлюсь твоей при семъ случаѣ въ
«письмѣ твоемъ ко мнѣ изъясненной радос-
«ти. Ты показалъ путь, по которому шест-
«вуютъ твои храбрые и искусные послѣдова-
«тели.»

«О искреннемъ участіи братьевъ вашихъ
«никакъ несумнѣваюсь, зная ихъ усердную

«любовь и привязанность ко Мнѣ и къ оте-
«честву.»

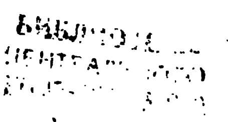
«Молю Бога, да увѣнчаетъ всѣ побѣды
«наши вождѣленнымъ миромъ наискорѣе; пре-
«бывая къ вамъ всѣмъ на всегда доброжела-
«тельна.»

«Екатерина.»

Изъ Царскаго села.
Іюля 9 дня, 1790 г.

При началѣ войны съ Франціею, въ 1806 году, Графу Алексѣю Григорьевичу ввѣрено было главноначальствованіе пятою областію Земскаго войска. Семидесятилѣтній старецъ и въ этомъ случаѣ отличилъ себя благоразумными распоряженіями при образованіи милиціи, и удостоился слѣдующаго Высочайшаго рескрипта отъ Императора Александра.

«Въ справедливомъ упованіи на ревность
«и любовь вашу къ отечеству, возложивъ на
«васъ званіе Главнокомандующаго милиціею
«V-й Области, удостовѣрены Мы были, что
«послѣ многократныхъ и отличныхъ заслугъ
«на пользу общую вами понесенныхъ, совер-
«шите вы и сіе новое служеніе съ тѣмъ же

«духомъ непреложнаго усердія къ отечеству, «коимъ дѣянія вами сопровождались. Попече«нія ваши о образованіи ввѣреннаго вамъ Зем«скаго войска и всѣ послѣдующія распоряже«нія, къ устройству его принадлежащія, въ «полной мѣрѣ оправдали ожиданія Наши: и «Мы, съ особеннымъ удовольствіемъ, видѣли «непрерывное дѣйствіе патріотическихъ ва«шихъ побужденій. Нынѣ по совершеніи се«го служенія, желая ознаменовать отличное «Наше къ симъ подвигамъ благоволеніе, при«знали Мы справедливымъ, пожаловать васъ «кавалеромъ ордена Св. Равно-Апостольнаго «Князя Владиміра большаго креста первой «степени, коего знаки при семъ для возло«женія на васъ препровождаемъ, пребывая «всегда Императорскою Нашею милостію «къ вамъ благосклонны.»

26 Октября, 1807 года.

Живя въ Москвѣ съ дочерью, въ ненарушаемомъ спокойствіи, Графъ Алексѣй Григорьевичъ скончался 24 Декабря 1808 года, послѣ кратковременной болѣзни, на 72-мъ году жизни. Пространный домъ Графа не

могъ вмѣстить посѣтителей, съѣзжавшихся къ заупокойному о немъ служенію.

Графиня Анна Алексѣевна, не знавшая дотолѣ печали и горя, пораженная смертію родителя, лишилась чувствъ и оставалась четырнадцать часовъ безъ признаковъ жизни. Лишь только она надѣла черное платье, какъ въ присутствіи окружавшихъ, подошла къ иконамъ и павъ на колѣни, рыдая произнесла: «Господи! Ты взялъ мою мать, которой я не знала, теперь Тебѣ угодно взять моего отца, будь мнѣ вмѣсто матери и отца и руководствуй всѣми поступками моей жизни.» Молитва, вознесенная изъ глубины чистаго сердца, съ полною вѣрою и надеждою на Бога, восприяла благословеніе Божіе на всю послѣдующую жизнь Графини.

Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, родной ея дядя, остался главнымъ распорядителемъ печальной процессіи.

Отпѣваніе тѣла происходило при многочисленномъ стеченіи народа всякаго званія, пола и возраста, близъ Донскаго монастыря, въ церкви Положенія Ризъ Господнихъ. Всѣ любили Орлова и пришли отдать ему послѣд-

ный полкъ. По совершеніи заупокойной литургіи перевезли тѣло, для преданія земли, въ имѣніе Владиміра Григорьевича Орлова, въ село Отраду, близъ Москвы, гдѣ схоронены всѣ пять братьевъ Орловыхъ. Въ послѣдствіи уже останки Графа Алексѣя Григорьевича перевезены въ соборъ Св. Георгія, въ Новгородскую Юрьевскую обитель.

При погребеніи случилось событіе, достойное замѣчанія: Сержантъ Изотовъ, находившійся съ Графомъ при Чесмѣ, въ день похоронъ явился ко гробу, въ мундирѣ Екатерининскихъ временъ, съ медалями на груди, и сталъ съ прочими у гроба, чтобы нести его чрезъ комнаты на колесницу. Вельможи, почитая Изотова слишкомъ слабымъ, совѣтовали ему оставить трудъ не по силамъ; 90-та лѣтній старецъ, обливаясь слезами, отвѣчалъ, что въ немъ достанетъ еще силъ отдать послѣдній долгъ начальнику. Онъ присоединился къ вельможамъ, которые несли гробъ, и неутѣшно плакалъ и рыдалъ. На лѣстницѣ напрягалъ всѣ свои силы подъ тяжестью гроба, и когда поставили его на колесницу, Изотовъ простился съ усопшимъ, и

произнеся: «думалъ ли я, что переживу тебя», упалъ въ обморокъ, — и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Владиміръ Григорьевичъ заступилъ двадцати трехлѣтней Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ мѣсто отца, окружилъ сироту своими дочерьми, былъ безотлучно при ней, и старался разсѣять печаль. Однако жъ никакія развлеченія не облегчали горя. Молодая Графиня искала утѣшенія въ молитвѣ, и отправилась на поклоненіе Св. Угодникамъ въ Кіевскую Лавру и въ Ростовъ. При гробѣ Св. Димитрія, въ Ростовскомъ монастырѣ, встрѣтился ей старецъ Іеромонахъ Амфилохій, извѣстный благочестіемъ и подвижническою жизнію. Сей благочестивый старецъ, назидательными совѣтами и поученіемъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на Графиню; вліяніе это было такъ велико, что мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ отшельникѣ.

ГЛАВА III.

Лица, имѣвшія духовное вліяніе на жизнь Графини.

Изъ лицъ, имѣвшихъ духовное вліяніе на жизнь Графини, особенно памятенъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря Гробовый Іеромонахъ Амфилохій. Сорокъ семь лѣтъ прожилъ онъ въ этой обители, и своею назидательною, образцовою жизнію и мудростію духовною, привлекалъ къ себѣ любителей благочестія изъ мѣстъ близкихъ и отдаленныхъ. Люди всѣхъ сословій обращались къ нему за наставленіями въ жизни, и поставляли себѣ за честь быть дѣтьми духовными старца Амфилохія. Исполненный проницательности, онъ иногда съ перваго взгляда познавалъ

внутреннее расположеніе сердца, предвидѣлъ, что можно было отъ кого ожидать, и предреченія его нерѣдко сбывались съ удивительною точностію. (*)

Съ этимъ достойнымъ служителемъ алтаря Господня, познакомилась Графиня Анна Алексѣевна, какъ уже сказано, вскорѣ по кончинѣ родителя своего, во время поклоненія мощамъ Св. Димитрія. Амфилохій бесѣдовалъ съ нею о смиреніи, о милосердіи, о суетѣ благъ міра сего, о молитвѣ, терпѣніи, силѣ вѣры. Говорилъ, какъ и всегда, съ искренними слезами на глазахъ. Графиня въ бесѣдѣ съ нимъ живѣе возчувствовала охлажденіе къ мірскому счастію, суету свѣтскихъ развлеченій и непрочность всего, что человѣкъ созидаетъ себѣ для временной жизни.

Изъ кельи Амфилохія Графиня вынесла твердое убѣжденіе, что здѣшняя жизнь есть только пріуготовленіе къ будущей, что блага жизни здѣшней, должны быть для насъ не инымъ чѣмъ, какъ средствомъ къ пріобрѣ-

---

(*) См. Описаніе жизни Іеромонаха Амфилохія. Москва. Синод. типогр. 1834 года.

благъ вѣчныхъ, что ни богатство, ни знатность, ни блескъ не могутъ дать истиннаго покоя духу человѣческому, и только одна спасательная вѣра и любовь къ Богу, могутъ доставить миръ душѣ здѣсь, и жизнь блаженную въ вѣчности. Полюбивъ Ростовскую святыню, уважая душею Амфилохія, Графиня до 1820 года, если не дальше, каждогодно, на время Великаго поста, ѣздила въ Ростовъ, тамъ говѣла и проводила свѣтлые дни праздника Пасхи.

Можемъ сказать утвердительно, что съ минуты свиданія Графини съ Іеромонахомъ Амфилохіемъ, началась новая жизнь Графини Анны Алексѣевны, жизнь полная самоотверженія, благочестія и благотворительности, жизнь, о которой мы хотимъ разсказать какъ о примѣрѣ назидательномъ, не для ея славы, въ которой почившая не нуждается, а для общей пользы.

При жизни и по смерти благочестиваго Амфилохія, Графиня Анна Алексѣевна не уклонялась по стезѣ имъ указанной. Пребывать въ молитвѣ, заниматься богомысліемъ, избѣгать мирскихъ суетныхъ наслажденій—

стало первою ея заботою и главнѣйшею потребностію. Наслѣдовавъ огромное состояніе, она положила для себя правиломъ употреблять богатство не для себя, а для Бога, и такимъ образомъ, по слову Евангелія, желая богатѣть въ Бога, она для храмовъ Его, для обителей и ближнихъ, не жалѣла ничего, разсыпала благодѣянія явно и сокровенно. Эти наружныя жертвы и видимыя подаянія соединяла съ удивительнымъ умѣніемъ скрывать все, что дѣлала добраго для своего спасенія, не противорѣча духу времени и приличіямъ свѣтскаго обращенія въ обществѣ.

Удаливъ отъ себя всякое самолюбіе, забывъ знатность происхожденія, превосходство образованія и воспитанія, многочисленное знакомство съ избраннѣйшими лицами въ высшемъ обществѣ, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Императорскаго Дома, Графиня постоянно отличалась величайшимъ смиреніемъ. Величіе и пріятность во взорахъ, съ выраженіемъ необыкновенной ласковости, простота въ бесѣдѣ, скромность въ словахъ, христіанская привѣтливость въ обращеніи, внимательность ко всѣмъ и каждому, безъ

различія рода, званія и возраста, всегда и во всякомъ случаѣ, ясно выражали ея возвышенную душу. Никто, никогда, не видалъ ея въ гнѣвѣ или досадѣ. Самая скорбь о смерти родителя и чувство сиротства, обратились мало по малу въ непрестанное стремленіе къ Богу, исполненное возвышеннѣйшей надежды и любви.

Толпы бѣдныхъ и нищихъ ежедневно окружали домъ ея, и ни одинъ не отходилъ безъ помощи и утѣшенія. Графиня не хотѣла знать кто и на что проситъ ея помощи; безпрестанно благотворила во имя Бога и славу Спасителя, ожидая отъ Него себѣ милости.

Все въ жизни, и радостное и горестное, пріятное и печальное, принимала она съ одинаковою покорностію и преданностію Богу, Его святой волѣ; за все равно благодарила Бога, и во всемъ равно видѣла руку Его дивнаго Промысла. Въ отправленіи житейскихъ дѣлъ, въ ежедневныхъ трудахъ и подвигахъ благочестія, была одинаково терпѣлива. Къ молитвѣ была такъ усердна, что почти никогда не чувствовала усталости, хотя по цѣлымъ

часамъ оставалась колѣнопреклоненною предъ святыми иконами.

Принявъ твердую рѣшимость посвятить жизнь для Бога и ближнихъ, Графиня, зная какъ многотруденъ путь христіанскаго совершенствованія, желала, по смерти Іеромонаха Амфилохія, найти другаго руководителя, извѣстнаго святостію жизни, къ которому бы могла обращаться за совѣтами въ искушеніяхъ, отъ котораго могла бы принимать наставленія въ жизни. Величайшіе подвижники благочестія, въ первое время, имѣли духовныхъ руководителей въ вѣрѣ и поступкахъ.

Такого руководителя указалъ ей Преосвященный Иннокентій, Епископъ Пензенскій и Саратовскій, извѣстный благочестивою жизнію и христіанскимъ просвѣщеніемъ.

Подвижническая жизнь Иннокентія и сила его проповѣди, сдѣлали имя его извѣстнымъ на всемъ пространствѣ Россіи, и обращали особенное вниманіе Графини Анны Алексѣевны.

Освѣдомясь о пріѣздѣ въ Москву Преосвященнаго Иннокентія, на пути въ Пензу, и его тяжкой болѣзни, Графиня спѣшила принять

отъ него благословеніе, посѣтила Архипастыря и упросила, для удобнѣйшаго излеченія, переѣхать въ домъ ея, предоставя его въ полное распоряженіе Преосвященнаго.

Пользуясь кратковременнымъ въ Москвѣ пребываніемъ Иннокентія, видя въ немъ человѣка необыкновеннаго, готоваго скоро, можетъ быть, оставить земное поприще, по болѣзненному положенію, въ коемъ находился, Графиня неотступно просила Архипастыря, указать ей наставника въ духовной жизни. Епископъ назвалъ Фотія. Послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ христіанская, замѣчательная кончина Преосвященнаго Иннокентія(*) еще болѣе утвердила слова его въ сердцѣ Графини Анны Алексѣевны. Она рѣшилась непремѣнно ввѣриться избранному имъ наставнику, и не отступила отъ благаго намѣренія.

Оставя родную Москву и переселясь въ Петербургъ, Графиня искала случая сблизиться съ Іеромонахомъ Фотіемъ, но онъ долго чуждался ея, какъ бы опасаясь вліянія ея знатности и богатства на свое убожество. Не

(*) Жизнеописаніе Преосвящ. Иннокентія, Епископа Пенз. и Саратов. С. П. Б. 1845 г.

прежде какъ черезъ два года, достигла Графиня желанной цѣли быть его духовной дочерью. Знаемъ изъ оставшихся послѣ нея бумагъ, что она избрала своимъ духовнымъ руководителемъ Фотія также и по совѣту Высокопреосвященнаго Митрополита Серафима, къ которому часто обращалась за наставленіями по смерти Преосвященнаго Иннокентія. Графиня поселилась возлѣ Юрьевской обители, возложивъ на себя обѣтъ послушанія и строжайшія лишенія; въ Петербургъ пріѣзжала временно.

Чтобъ правильнѣе понять и оцѣнить источникъ и плоды благочестивыхъ отношеній между Фотіемъ и его духовною дочерью, надобно ближе знать перваго.

Фотій, въ мірѣ Петръ Спасскій, родился 7 Іюня 1792 года, Новгородскаго уѣзда, въ селѣ Спасскомъ, отъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія. По окончаніи курса наукъ въ Новгородской Семинаріи, онъ въ 1814 году поступилъ въ С.Петербургскую Духовную Академію. Болѣзнь, развившаяся въ груди, не допустила его дослушать Академическаго кур-

са, и онъ долженъ былъ оставить Академію; но его набожное направленіе открывало ему путь обширный. Тогдашній Ректоръ С.Петербургской Семинаріи, Архимандритъ Иннокентій, въ послѣдствіи Епископъ Пензенскій и Саратовскій, оцѣнилъ расположеніе души зрѣющаго юноши, и съ любовію принялъ его подъ непосредственное свое покровительство и руководство. Благочестивое сердце нашло надежный пріютъ: Иннокентій явился для юноши истиннымъ отцемъ, по любви и наставленіямъ: благочестивыя души скоро сроднились: одинъ сталъ ревностнымъ наставникомъ въ духовной жизни, другой вѣрнымъ ученикомъ. По званію учителя въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, Спасскій былъ близокъ къ Иннокентію, который предложилъ ему у себя квартиру, столъ и всегдашнюю духовную бесѣду.

Полтора года занималъ онъ должность учителя, безпрерывно помышляя о постриженіи въ монашество. Желаніе его исполнилось въ началѣ 1817 года. Открылось мѣсто законоучителя во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Въ то время должность эту обыкновенно занима-

ли ученые монашествующіе. Петръ Спасскій своею ревностію по званію учителя въ Александро-Невскомъ училищѣ, христіанскимъ смиреніемъ, наклонностію къ уединенной жизни и назидательными проповѣдями, обратилъ на себя вниманіе не только отца и начальника своего Архимандрита Иннокентія, но и Митрополита Амвросія. По этому лишь только мѣсто законоучителя въ Кадетскомъ Корпусѣ стало вакантнымъ, его предложили Спасскому, какъ уже извѣстному расположеніемъ поступить въ монашество. Съ восторгомъ встрѣтилъ Петръ случай исполнить свое намѣреніе. 16-го Февраля 1817 года онъ постриженъ, нареченъ Фотіемъ, посвященъ въ Іеродіакона и въ слѣдъ за тѣмъ рукоположенъ въ Іеромонаха.

Поступивъ въ 2-й Кадетскій Корпусъ, онъ дѣйствовалъ на сердца своихъ воспитанниковъ не столько въ качествѣ учителя, сколько въ качествѣ духовнаго ихъ отца, стараясь слѣдить за учащимися неусыпнымъ окомъ заботливаго наставника. Почти черезъ годъ, именно 4-го Октября 1818 года. «За образъ жизни, соотвѣтственный правиламъ монаше-

скимъ, и за прохожденіе должностей по церкви настоятеля, а по Корпусу законоучителя, съ неутомимою ревностію и отличною похвалою», по представленію Митрополита Михаила и по Указу Св. Сvнода, Фотій почтенъ званіемъ соборнаго Іеромонаха Александро-Невской Лавры.

Смерть Преосвященнаго Иннокентія столько огорчила Фотія, что онъ испросилъ позволеніе уединиться на нѣкоторое время въ Коневецкую обитель. Въ ней привлекало и услаждало его иноческое житіе, устроенное по примѣру Св. Отцевъ и древнихъ Подвижниковъ церкви Христовой. Въ Коневецкой обители у всѣхъ общее одѣяніе, общая пища, служба, трудъ, монастырское достояніе, отдохновеніе, словомъ — все общее. Жизнь монашеская представилась здѣсь Фотію во всей своей строгости, но и во всемъ величіи. Въ послѣдствіи, будучи Настоятелемъ Юрьевскаго монастыря, онъ ввелъ здѣсь не мало новыхъ учрежденій по уставу и обычаю обители Коневецкой.

Слѣдовало возвратиться изъ уединенія къ прежней должности. Тутъ встрѣтили его

испытанія. Отечественная война пробудила и развила духъ набожности; стали искать назидательныхъ чтеній. При такихъ обстоятельствахъ и въ этомъ важномъ дѣлѣ, Фотій не мало содѣйствовалъ истинному направленію нравственнаго образованія многихъ читателей.

Исполняя, съ неутомимою ревностію, обязанности высокаго своего званія, Фотій сдѣлался извѣстнымъ Первосвятителямъ, государственнымъ людямъ и самому Государю Императору Александру Благословенному. Первосвятители обращали на него вниманіе за ревность по дѣламъ вѣры, государственные люди за необыкновенное благочестіе, Императоръ Александръ узналъ о немъ чрезъ Графа Аракчеева и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ мужей, и подъ конецъ своего царствованія удостоилъ его милостивой своей бесѣды.

1819 и 1820 годы составляютъ важную эпоху въ жизни Фотія; Преосвященный Иннокентій, Епископъ Пензенскій и Саратовскій, отъѣзжая въ свою епархію, рекомендовалъ его многимъ вельможамъ, и Фотій вполнѣ оправдалъ довѣріе Преосвященнаго. Страдая

3

на болѣзненномъ одрѣ въ Москвѣ и Пензѣ, Преосвященный много утѣшался пріятными извѣстіями о своемъ духовномъ преемникѣ.

Въ знакомствѣ съ знатными и богатыми, Фотій не искалъ собственныхъ выгодъ, и это возвышало его въ глазахъ ихъ. Заботясь о благѣ Церкви и отечества, помышляя о духовной пользѣ самыхъ этихъ лицъ, Фотій видѣлъ въ нихъ для себя только орудія Промысла къ проповѣдыванію истины. Графиня Анна Алексѣевна, избравъ его духовнымъ отцомъ, предоставила ему обильныя средства къ христіанскимъ благотвореніямъ; въ эти два года слава Фотія разнеслась за предѣлы столицы, но ему предстояло выдержать еще борьбу съ немалыми трудностями. Въ 1821-мъ году онъ получилъ мѣсто Игумена Новгородскаго третьеклассснаго Деревяницкаго монастыря, обители бѣдной, малоизвѣстной и полуразрушенной. Находясь уже болѣе четырехъ лѣтъ въ званіи законоучителя Кадетскаго Корпуса, онъ не желалъ другаго мѣста; но привыкнувъ съ дѣтства видѣть во всемъ святую волю Божію, Фотій, не уклоняясь отъ этаго назначенія, покорился рас-

поряженію Начальства. Въ это время посѣтила его болѣзнь тѣлесная.

Отправляясь въ путь, не совсѣмъ здоровый, въ монастырь скудный и во всемъ нуждавшійся, Фотій долженъ былъ вооружиться немалымъ терпѣніемъ въ уповаціи на Бога.

Десница Вышняго осѣняла его своею благостію: на поправленіе монастыря получилъ онъ отъ Графини Анны Алексѣевны, и отъ другихъ благотворительныхъ особъ значительныя суммы денегъ.

Вступивъ въ обитель, гдѣ не было приличнаго жилища ни для Настоятеля, ни для братій, при томъ въ осеннее время и при разстроенномъ здоровьѣ, Фотій отнюдь не унылъ духомъ, но съ терпѣніемъ возлагалъ упованіе на Бога помогающаго, и упованіе его вознаградилось. Чтобы показать сколько бѣдна была Деревяницкая обитель при вступленіи въ нее Фотія, и какъ устроена имъ въ два года, коснемся нѣкоторыхъ частныхъ подробностей.

Главная соборная церковь, во имя Воскресенія Христова, находилась въ совершенномъ

упадкѣ: своды отъ течи промокли, кровля вся сгнила, внутреннія стѣны отъ сгнившей кровли попорчены съ верху до низу. Цѣлая половина монастырской ограды едва держалась; во многихъ кельяхъ не было ни потолковъ, ни половъ, ни дверей, ни печей, ни стеколъ, ни даже рамъ.

Фотій съ слезами умиленія просилъ Спасителя даровать средства къ возобновленію монастыря; съ молитвою, началъ ходить по обители, ближе знакомиться съ ней, все осматривать и дѣлать предположенія къ ея устройству, какъ будто владѣя къ тому всѣми средствами. Благочестивое его намѣреніе не замедлило исполниться. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ уже онъ обновить снаружи соборную церковь, передѣлалъ главы и крыши, исправилъ монашескія кельи, распланировалъ сады, обогатилъ ризницу.

По окончаніи наружнаго устройства монастыря, Фотію предлежалъ немалый трудъ украсить его со стороны внутренней. Благочиніе въ церковномъ богослуженіи, особенное усердіе въ чтеніи и пѣніи, проявились въ монастырѣ съ полнымъ благолѣпіемъ.

По любви ли къ порядку, видѣнному въ Коневецкой обители, или по собственному желанью, Фотій ввелъ въ монастырѣ порядокъ общежительный.

Украсивъ храмы и зданія Деревяницкаго монастыря, Фотій, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечилъ братію во всѣхъ надобностяхъ, и для сего доходы, принадлежавшіе ему по правиламъ, отдавалъ инокамъ своего монастыря. «Перестаньте, говорилъ онъ, называть это настоятельское, а это братское, дѣлите какъ дѣти съ отцемъ, все по ровну и между всѣми. Да будетъ все общее; буду брать изъ общаго, сколько я имѣю нужды. Все да будетъ здѣсь общее, повторялъ онъ; да будетъ во всѣхъ и сердце едино, и душа едина, и исповѣданіе вѣры едино, и благочестіе едино, и любовь едина, и Богъ единъ, и Христосъ единъ, и едина его Пресвятая Матерь, и едина наша на нихъ надежда.»

Тайные и явные благодѣтели безпрестанно являли ему свое содѣйствіе. Графиня Анна Алексѣевна, по пріѣздѣ его въ обитель Деревяницкую, прислала ему сперва три тысячи, потомъ десять тысячь руб. ассигнаціями

и два обоза: одинъ со свѣчами, ладономъ и виномъ для церкви, а другой съ разнымъ хлѣбомъ.

Всѣ суммы и приношенія на нужды церковныя, присылались собственно Фотію и, какъ писалось, «на его нужды.» Конечно Графиня не отдѣляла нуждъ Настоятеля отъ нуждъ монастыря, но нельзя не признать и безкорыстія, съ какимъ Фотій всѣ подобныя приношенія и принималъ и употреблялъ, какъ Настоятель, на нужды своего монастыря. Онъ мыслилъ и говорилъ: «какія у меня нужды? Богъ и вѣчное спасеніе—вотъ мои нужды.»

Неутомимые труды Фотія, а еще болѣе его ревность къ своему долгу, который исполнялъ съ самоотверженіемъ, не могли не произвести вліянія на его здоровье, отъ природы слабое. Боль въ груди усилилась до того, что приводила въ изнеможеніе даже душу его, всегда бодрую. Три раза перенесъ онъ операцію въ груди, которая не доставила ему впрочемъ облегченія. Для слабогрудыхъ необходима теплая одежда и Фотій, въ послѣдніе годы своей жизни, носилъ по нѣскольку теплыхъ одеждъ, даже среди самаго

лѣта, потому что грудь его была такъ слаба, что отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра приходила въ болѣзненное состояніе; кромѣ того, онъ въ это время уже носилъ вериги.

Въ упадкѣ, подобномъ тому, который мы описали въ началѣ настоящей главы, находился изъ Новгородскихъ монастырей не одинъ Деревяницкій; Сковородскій третьеклассный былъ не въ лучшемъ состояніи, и Духовное Начальство, озабоченное исправленіемъ его, не могло найти лучшаго дѣятеля, какъ Фотія, который въ быстромъ возстановленіи Деревяницкаго монастыря показалъ всю свою ревность. И вотъ указомъ Св. Сvнода, отъ 29 Января 1822 года, Игуменъ Фотій произведенъ въ санъ Архимандрита и назначенъ Настоятелемъ Новгородскаго третьеклассного Сковородскаго монастыря. Новый санъ принесъ смиренному и больному иноку, конечно, новые труды и испытанія; но давалъ и случай вновь показать свое усердіе въ служеніи церкви.

Фотій не только не нашелъ въ новой обители для себя ничего лучшаго; но очевидно лишился и того, чѣмъ могъ уже утѣшаться

въ Деревяницкомъ монастырѣ. Едва только успѣлъ онъ устроить ввѣренную его управленію обитель по желанію сердца, какъ снова нужно было идти въ новый путь, для новыхъ подвиговъ. Украсивъ и этотъ монастырь по примѣру Деревяницкаго, снабдивъ его всѣми нужными средствами, онъ въ короткое управленіе Сковородскимъ монастыремъ, на всегда оставилъ тамъ воспоминаніе о себѣ заботливостію о благоустройствѣ его, введеніемъ благозвучнаго пѣнія, украшеніемъ извнѣ и снаружи.

Начальству благоугодно было возложить на него новый подвигъ, призвать его въ обитель Юрьевскую — Новгородскую. Монастырь Сковородскій, подобно обители Деревяницкой, никогда не забудетъ Архимандрита Фотія, хотя онъ управлялъ имъ только шесть съ половиною мѣсяцевъ, и четыре изъ нихъ провелъ, по вызову Начальства, въ С. Петербургѣ.

Труды Фотія въ званіи настоятеля Юрьевской обители, такъ важны и такъ многосложны, что необходимо избрать опредѣленныя точки, чтобы вѣрнѣе и яснѣе прослѣдить

жизнь его. Въ ней представляются двѣ особенно замѣчательныя стороны: хозяйственная и церковная.

Въ первомъ отношеніи, Фотій является истиннымъ возродителемъ Юрьевской обители, строителемъ зданій для братій и богомольцевъ, созидателемъ церквей, настоящимъ хозяиномъ, благоразумнымъ и опытнымъ администраторомъ.

Во второмъ (церковномъ) отношеніи, мы видимъ его сначала ревностнымъ попечителемъ о церковномъ благочиніи и собирателемъ братій, потомъ неутомимымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ слова Божія.

Архимандритъ Фотій, получая непрерывныя приношенія отъ Графини Анны Алексѣевны:

Въ 1822 г. обновилъ церковь Женъ-Мироносицъ, на подворьѣ монастырскомъ, въ Новгородѣ.

Въ 1823 г. построилъ церковь Всемилостиваго Спаса, съ двумя придѣлами, и церковь всемірнаго Воздвиженія креста Господня.

Въ 1824 г. украсилъ соборную церковь во имя Спаса.

Съ 1825 по 1827 годъ обновилъ совер-

шенно, съ необыкновеннымъ благолѣпіемъ, соборный храмъ Св. Георгія, покровителя Юрьевской обители, пристроивъ къ нему придѣлъ Святителя Ѳеотиста, тамъ почивающаго, паперть и ризницу; въ то же время выстроилъ Орловскій братскій Корпусъ.

Въ 1827 г. построилъ каменную ограду съ кладовыми, на монастырскомъ подворьѣ, въ Новгородѣ.

Съ 1828 по 1831 годъ, совершенно обновилъ принадлежащій Юрьеву монастырю скитъ; построилъ церковь во имя Божіей Матери Неопалимыя Купины, съ лѣтними настоятельскими кельями, съ больничнымъ корпусомъ, башнею и церковью во имя Архистратига Михаила; пристроилъ паперть къ церкви Нерукотвореннаго образа Спаса.

Такимъ образомъ, въ теченіи десяти лѣтъ, Архимандритъ Фотій привелъ Юрьевъ монастырь въ такое цвѣтущее состояніе, что тѣ, которые недавно видѣли разрушеніе и упадокъ его, не могли почти вѣрить глазамъ; другіе, которые утратили изъ памяти прежній жалкій видъ его, еще менѣе могли бы вѣрить словамъ очевидца.

Недовольствуясь описанными постройками, Фотій до смерти своей украшалъ и обогащалъ обитель.

Обновленія и исправленія, описанныя нами вкратцѣ, однѣ требовались необходимостію, въ слѣдствіе несчастныхъ событій и положенія дѣлъ вызывавшихъ на оныя, другія были болѣе добровольныя, въ слѣдствіе желанія лица, принявшаго обитель Юрьевскую въ свое покровительство, и искавшаго устроить и собрать здѣсь все, что можетъ располагать къ умиленію и способствовать къ молитвѣ. Конечно, усердіе Настоятеля почти одинаково проявлялось какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ работахъ, тѣмъ не менѣе число побужденій въ однѣхъ было значительнѣе чѣмъ въ другихъ. Въ числѣ несчастныхъ для монастыря событій, не можемъ умолчать о пожарѣ, случившемся 21 Января 1823 года, почти черезъ пять мѣсяцевъ послѣ вступленія Фотія въ Юрьевскую обитель Настоятелемъ. При начатіи литургіи огонь охватилъ теплый соборъ и пламя быстро распространилось по храму. Несчастное событіе могло бы поколебать всякаго другаго Настоятеля; по-

трясло оно и Фотія, но не повергло духа его въ уныніе, и подобно многимъ другимъ искушеніямъ, еще болѣе утвердило въ благочестіи и преданности волѣ Божіей. возвысило самую его душу. Казалось, онъ такъ привыкъ къ искушеніямъ, такъ привыкъ исходить изъ нихъ побѣдителемъ, что видѣлъ уже въ нихъ однѣ благодѣянія, и если можно такъ выразиться, однѣ посѣщенія Божія, и не столько скорбѣлъ, сколько радовался, не столько молился объ избавленіи отъ нихъ, сколько благодарилъ Бога за то, что можетъ, при помощи Его, съ терпѣніемъ переносить ихъ. Какъ бы предчувствуя, что на развалинахъ горѣвшаго храма благость Божія дастъ ему силы и средства скоро воздвигнуть новый, болѣе великолѣпный, Фотій не унылъ духомъ при видѣ пожара. Совершая въ это время литургію и приближаясь къ совершенію самаго таинства, изумленный несчастнымъ событіемъ, Фотій, въ ту минуту, когда ему, почти объятому пламенемъ, слѣдовало бы бѣжать изъ храма, спокойно шелъ изъ церкви, неся предъ собою святыню въ холодный Георгіевскій соборъ, гдѣ и окончилъ литургію.

Не много было здѣсь поклонниковъ, былъ только онъ, да священно-инокъ старецъ, за то какъ исполнены были сердца ихъ пламенною молитвою. Инокъ-старецъ совершалъ таинство Евхаристіи, а Фотій прислуживалъ ему и пѣлъ на клиросѣ. Можно представить съ какимъ умиленіемъ и молитвою о помощи воспѣлъ онъ по окончаніи киноника (причастнаго): «*Милосердія двери отверзи намъ.*» Между тѣмъ, въ короткое время, огонь превратилъ теплый соборъ въ пепелъ и груду развалинъ, со всѣми принадлежавшими къ нему пристройками. Еще господствовало пламя и не успѣлъ очиститься горизонтъ отъ дыма, какъ съ окончаніемъ литургіи, при выходѣ изъ Георгіевской церкви, Фотій получилъ извѣстіе, что благодѣтельная рука (читателю не нужно говорить чья) посылаетъ на возобновленіе обители разныхъ матеріаловъ на сорокъ тысячъ руб. асс.,—и все это уже на пути въ обитель. Такое неожиданное, какъ бы самимъ Небомъ ниспосланное приношеніе, въ эти скорбныя минуты, поразило Фотія до слезъ, и исторгло изъ глубины сердца его слова умиленныя: «Господи, что огнемъ сожи-

гается обитель, я достоинъ такого наказанія, а что сугубо изливается источникъ благости Твоея на меня въ сей часъ, сего не достоинъ я окаянный.» Такое подаяніе было только первымъ звеномъ въ неизмѣримой цѣпи дальнѣйшихъ пожертвованій Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской на Юрьевскую обитель. Вслѣдъ за нею явились то благодѣтелями, то утѣшителями весьма многіе; на Руси всегда были и есть благочестивые и добрые люди, такъ удивляться нечему, что Архимандритъ Фотій получалъ ежедневно приношенія и дѣломъ и обѣщаніемъ. И скоро снова процвѣла обитель Юрьевская. Великолѣпно стали украшаться златоверхіе храмы ея, заблистали святые кресты на нихъ, благолѣпно начала совершаться божественная служба, установилось неусыпаемое моленіе, размножилось число смиренной братіи, явилось множество благоговѣйныхъ поклонниковъ, возрасло число усердныхъ посѣтителей.

Въ пожертвованіяхъ на Юрьевскій монастырь первое начало положилъ въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Павловичъ. Въ 1823 году Его Величество со-

изволилъ назначить изъ казны на всегда Юрьеву монастырю по четыре тысячи р. асс. ежегодно, въ замѣнъ мельницы, отошедшей въ вѣдомство открытаго тогда Военнаго Поселенія. Въ 1825 году 3-го Октября, ЕгоВеличество благоволилъ прислать изъ Таганрога крестъ и икону, при собственноручномъ письмѣ Настоятелю. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ пожаловать обители Юрьевской яшмовые сосуды. Послѣдуя вѣнценоснымъ благотворителямъ, многія знаменитыя особы усердствовали отъ достоянія своего и дѣлали разные вклады въ Юрьевскую обитель при жизни Фотія. Супруга Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, извѣстнаго поэта Державина, кромѣ денежныхъ приношеній, пожертвовала Евангеліе и священные сосуды значительной цѣнности; Графъ А. А. Аракчеевъ положилъ пять тысячъ руб. асс. въ пользу Юрьева монастыря, на вѣчное обращеніе, въ Сохранную казну.

Изъ этихъ приношеній собрано Архимандритомъ и положено въ Сохранную казну, для обращенія изъ процентовъ, на поддержаніе об-

[illegible] году.

[illegible] Фотій [illegible]

Разсматривая [illegible] всѣ эти [illegible]ніи, нельзя не видѣть, что всякое благоустроительное [illegible] Юрьевской Обители въ продолженіе этого времени, сколько происходило изъ религіозныхъ побужденій жертвователей, столько же было усердною данію живой ревности Фотія къ благоустройству обители.

Чтобы имѣть понятіе о степени устройства монастыря, достаточно привести нѣкоторыя извлеченія изъ описанія Юрьевской обители авторомъ «Путешествія по Св. мѣстамъ Русскимъ.» Благообразна, говоритъ онъ,

подземная церковь Похвалы Богородицы, устроенная на подобіе древнихъ катакомбъ, отдѣланная и украшенная великолѣпно. Помостъ ея устланъ мраморомъ; по сводамъ отдѣланнымъ подъ мраморъ, разсыпаны золотыя звѣзды; иконостасъ весь исполненъ славою Божіей Матери; она является здѣсь въ многознаменательныхъ символахъ: то въ видѣ Неопалимой купины, какая нѣкогда явилась Моисею въ пустынѣ, но обнесенная звѣздообразнымъ вѣнцемъ ангельскихъ силъ; то съ олицетворенною похвалою неба и земли вокругъ нея, съ ликами земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ; то радостію всѣхъ скорбящихъ, или Одигитріею, путеводительницею странныхъ, или живоносныхъ источникомъ исцѣленій, какъ проявила себя въ Царьградѣ, или какъ на Аеонской горѣ. Все гласитъ о ней внутри этого священнаго подземелья, гдѣ никогда неумолкаетъ въ честь ея чтеніе акаѳиста. Особенно хорошо устройство этой церкви тѣмъ, что по древнему чину жертвенникъ находится въ сторонѣ и совершенно отдѣленъ отъ алтаря; такимъ образомъ и женщины могутъ свободно при-

вославной Церкви; другая икона изображаетъ благоразумнаго разбойника, съ оружіемъ креста въ рукахъ, входящаго въ рай передъ лицемъ Патріарховъ: Авраама, Исаака и Іакова.»

Съ лѣвой стороны алтаря пещерной церкви, ведетъ лѣстница въ верхній соборъ Всемилостиваго Спаса. Верхній Спасскій соборъ сооруженъ Архимандритомъ Фотіемъ послѣ пожара 1823 года, на мѣстѣ домовой церкви благовѣрныхъ Князей Θеодора и Александра Невскаго. Деревянный, вызолоченный иконостасъ его украшенъ съ особенною щедростію. Мѣстныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, сіяютъ драгоцѣнными камнями; одна жемчужина, грушевидная, вдѣлана въ осыпанный брилліантами вѣнецъ ея. «Сокровища Чесменской излились щедрою рукою на храмъ и на всѣ его принадлежности; изящный вкусъ распоряжалъ богатствомъ окладовъ и утвари церковной. Благолѣпіе умножается при возженіи многочисленныхъ лампадъ огромнаго паникадила, которое въ видѣ вѣнца спускается изъ глубокаго купола, проливая торжественный свѣтъ на полумракъ собора. По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, но не на одной

съ нимъ церкви, устроены два малые придѣла, во имя Св. мучениковъ Фотія и Аникиты и успенія праведныя Анны.» Первый находится надъ жертвенникомъ пещерной церкви и къ нему примыкаетъ съ лѣвой стороны малая церковь, во имя Св. Алексія Митрополита Московскаго, устроенная изъ кельи настоятельской, въ память Графини А. А. Орловой-Чесменской, здѣсь окончившей благочестивые дни своей временной жизни. Возлѣ сего храма покои нынѣшняго Настоятеля, которые были приготовлены еще Архимандритомъ Фотіемъ для Митрополитовъ Новгородскихъ, на случай прибытія ихъ въ обитель. Придѣлъ Св. Анны сооруженъ надъ самою пещерою, гдѣ стоятъ гробы возсоздателя этого храма Архимандрита Фотія и благотворительницы обители сей Графини Анны Алексѣевны; къ правой сторонѣ придѣла прилегаютъ бывшія Фотіевы кельи, теперь обращенныя въ церковь Всѣхъ Святыхъ и братскую библіотеку, чтобы молитва и благочестивое размышленіе наполняли душу посѣщающихъ мѣсто его жительства. Тамъ совершается всякую субботу литургія по усопшихъ.

«Церковь Всѣхъ Святыхъ украшена съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и особенною любовію къ памяти усопшаго, жившаго въ этихъ келіяхъ. Иконостасъ составленъ изъ нѣкоторыхъ домашнихъ иконъ его, украшенныхъ въ послѣдствіи драгоцѣнными камнями; но преимущественно украшенъ наиболѣе чтимый имъ образъ Иверской Божіей Матери. Нельзя не дивиться блеску яхонтовъ, какіе встрѣчаются только въ утваряхъ царскихъ, и свѣтлой водѣ алмазовъ, на которые не обращало вниманія око особы, принесшей ихъ въ даръ. Видъ церкви небесной изображенъ изящною кистію на сводахъ церкви Всѣхъ Святыхъ, чтобы всѣ они осѣняли молящихся въ благолѣпномъ храмѣ, гдѣ такъ много воспоминаній.»

Описывая эту церковь краснорѣчивый авторъ продолжаетъ: «Намѣстникъ ввелъ меня въ алтарь и показалъ, въ сѣверной стѣнѣ, выкладенную изъ камней молитвенную келію, если только можно дать такое названіе каменному гробу, въ три шага длины и одинъ ширины, съ тѣснымъ сѣдалищемъ на одномъ концѣ и углубленіемъ для иконы на другомъ.

Тамъ теплилась неугасимая лампада предъ иконою Знаменія Пресвятыя Богородицы. Это была келія покойнаго, гдѣ проводилъ онъ, въ совершенномъ безмолвіи, всю четыредесятницу, исключая времени божественной службы, и куда уединялся обыкновенно въ часы свободные отъ заботъ и занятій. Келія сія сообщалась узкою лѣстницею съ гробовою пещерою, ибо туда наипаче любилъ онъ спускаться для размышленій о вѣчности, въ виду своего гроба.»—Эта лѣстница нынѣ уничтожена. — «Нѣсколько разъ бывалъ я при жизни Архимандрита (Фотія) въ тѣхъ же самыхъ келіяхъ, которые теперь обращены въ церковь и никогда не подозрѣвалъ сего молитвеннаго покоя въ стѣнѣ, куда онъ заживо, такъ сказать, себя закладывалъ, какъ въ каменную могилу; невольно изумился я столь нечаянному открытію. Замѣчательно будетъ лице его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: кромѣ необычайности собственной его жизни, изнурительнаго поста при ежедневномъ служеніи; сорока дневнаго безмолвія въ теченіи четыредесятницы и другихъ подвиговъ, которые, быть можетъ, время откроетъ,—онъ

дѣйствительно былъ не только обновителемъ своей обители, но и настоящимъ Архимандритомъ всѣхъ монастырей Новгородскихъ, по древнему назначенію Настоятелей Юрьева. Отъ первыхъ временъ Великаго Новгорода почитался Юрьевскій Архимандритъ старшимъ духовнымъ лицемъ послѣ Владыки; былъ Благочиннымъ надъ пятидесятью его обителями, кромѣ пятнадцати, непосредственно отъ него зависѣвшихъ, и въ послѣдствіи получилъ право священнослуженія съ нѣкоторыми преимуществами служенія Архіерейскаго.

Возвращаясь отъ Настоятеля къ описанію его обители, не станемъ говорить о всѣхъ украшеніяхъ храма и пятиярусиаго иконостаса, о царскихъ бронзовыхъ дверяхъ, огромныхъ паникадилахъ, подсвѣчникахъ, напрестольной одеждѣ изъ литаго серебра и драгоцѣнной сѣни, съ высокимъ на ней крестомъ изъ Сибирскихъ камней; сокровища кажутся здѣсь обыкновенными отъ самаго ихъ множества: стоитъ только взглянуть на двѣ мѣстныя иконы, Спасителя и Богоматери, и на одну храмовую Великомученика, чтобы уже болѣе не удивляться ничему другому;

не знаешь, здѣсь, что удивительнѣе богатство ли дара, или безпримѣрное усердіе особы, принесшей такой даръ? Дорого цѣнятъ золотыя оклады мѣстныхъ иконъ, осыпанные крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сафирами; вѣнецъ Спаса и звѣзда на челѣ и персяхъ Пречистой Его Матери, горятъ чудными камнями, несравненными по своей величинѣ и чистой водѣ. Риза Великомученика усѣяна Сибирскими тяжеловѣсами по швамъ и воскрыліямъ, какъ будто ими скрѣплено ея чистое золото; щитъ, шлемъ и броню Христова витизя по истинѣ можно назвать адамантовыми; особенной величины четыре жемчужины образуютъ рукоятку и оконечности его воинскаго меча. Сокровища, принесенныя на украшеніе этой древней Византійской иконы, современной еще великому Ярославу, основателю обители, восходятъ до чрезвычайной суммы. Щедро убрана также икона Святителя Ѳеоктиста, находящаяся при ракѣ мощей его(*). Можно ли

(*) Рака сдѣлана изъ серебра, вѣсомъ болѣе восьми пудовъ, съ позолотою, отличнаго мастерства.

послѣ всѣхъ этихъ сокровищъ говорить о прочихъ украшеніяхъ и богатствахъ?

Нельзя умолчать объ одномъ обстоятельствѣ: вкусъ и изящество новѣйшихъ временъ руководили обновителей храма, и, не смотря на это, не утрачено ничего древняго, такъ что даже все новѣйшее кажется только возобновленіемъ стараго. Такимъ образомъ сохранился величественной иконостасъ, золотою стѣною подымающійся къ высокимъ сводамъ, и внутренность алтаря удержала первоначальный свой характеръ; тамъ лики Святителей, съ высоты горняго мѣста взираютъ на божественную службу и назидательныя изреченія Святыхъ Отцевъ, о ея таинственномъ значеніи, возбуждаютъ духъ молитвы. Все благолѣпное зданіе храма съ его знаменательными украшеніями, образуетъ изъ себя полную идею Восточной Церкви.»

Познакомившись съ великолѣпіемъ собора, можно вообразить, какія сокровища заключаетъ въ себѣ ризница. Долго было бы исчислять драгоцѣнныя митры, кресты и панагіи, и шитыя жемчугомъ облаченія, которымъ едва ли есть подобныя, по красотѣ и богат-

ству, развѣ изъ числа древнихъ въ Патріаршей, Троицко-Сергіевской и Кіево-Печерской ризницахъ.

Рядомъ съ украшеніями обители Юрьевской, можемъ ли мы забыть и о томъ обновленіи, какимъ одолжены усердію Фотія и Графини, — соборъ Софійскій въ Новгородѣ и прочія обители древняго города, отъ числа пятидесяти умалившіяся до четырнадцати, и на кои также излитъ потокъ обильныхъ даяній отъ щедротъ Графини.

За неусыпное попеченіе о возобновленіи и украшеніи Юрьевскаго монастыря, Архимандритъ Фотій, со времени вступленія въ обитель, былъ въ особенномъ вниманіи, какъ у Духовнаго Начальства, такъ и у высшихъ свѣтскихъ особъ. Въ 1824 году 16-го Іюня, Юрьевъ монастырь исключенъ изъ общаго благочинія и оставленъ въ непосредственномъ вѣдѣніи самаго Настоятеля Фотія, «*какъ благонадежнаго и препровождающаго духовную жизнь,* и притомъ стараніемъ своимъ приведшаго въ короткое время древнюю обитель въ совершеннѣйшее по всѣмъ частямъ благоустройство.» Въ 1825 году 31 Января, по засвидѣтельствованію Митрополита Серафима, что «Ар-

химандритъ Фотій привелъ Новгородскій первоклассный Юрьевъ монастырь въ цвѣтущее состояніе, имѣетъ пламенное усердіе къ церкви Божіей и благочестивое рвеніе къ пользѣ отечества,» Императоръ Александръ соизволилъ пожаловать Фотію панагію, украшенную брилліантами и драгоцѣнными камнями, и дозволилъ ему носить при священнослуженіи панагію и крестъ, а внѣ служенія одну панагію. 28 Мая 1827 г. Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы Юрьевскаго монастыря Настоятелемъ по смерть оставался Архимандритъ Фотій, согласно собственному его желанію. Въ слѣдующемъ году онъ назначенъ Благочиннымъ монастырей: Старорусскаго, Спасскаго, Сковородскаго, Клопскаго, Кирилловскаго, Отенскаго, Перекомскаго и Савво-Вишерскаго. Въ 1830 году объявлена Фотію благодарность, за неусыпныя старанія и труды, понесенные имъ при исправленіи ветхостей Софійскаго собора, котораго вся сѣверная сторона грозила паденіемъ, а равно и за пожертвованіе собору разныхъ матеріаловъ на значительныя суммы.

Никогда Юрьевъ монастырь такъ часто какъ при покойномъ Фотіи, не принималъ въ стѣнахъ своихъ вѣнценосныхъ посѣтителей и поклонниковъ. 8-го Іюля 1825 года, по предварительномъ извѣщеніи, благоволилъ посѣтить Юрьевскую обитель Государь Императоръ Александръ Павловичъ, слушалъ раннюю божественную литургію въ церкви Всемилостиваго Спаса и соизволилъ войти въ келію Архимандрита Фотія. 24 Мая 1835 года Государь Императоръ Николай Павловичъ неожиданно изволилъ посѣтить Юрьевъ монастырь, былъ во всѣхъ церквахъ, въ нѣсколькихъ братскихъ келіяхъ и у схимника. 8-го Мая 1836 года посѣтилъ обитель Великій Князь Михаилъ Павловичъ, входилъ въ соборъ, въ ризницу и келью Настоятеля. 3-го Апрѣля 1837 г. посѣтилъ обитель, во время путешествія по всей Россіи, Государь Наслѣдникъ, Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, и, по благодарномъ молебствіи въ храмѣ, удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ келію покойнаго Фотія.

Нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ и о томъ, что для проѣзжающихъ чрезъ Новго-

родъ сдѣлалось какою то завѣтною, любимою мыслію — побывать въ Юрьевѣ, чтобы на мѣстѣ повѣрить молву о настоящей славѣ обители, и о томъ, что не было и нѣтъ доселѣ ни одного посѣтителя, который бы не обозрѣвалъ съ удивленіемъ все здѣсь рѣдкое, безпримѣрно богатое и изящное. Путешественникъ, въ благоговѣйномъ вниманіи, забываетъ усталость и трудъ пути своего, прогоняетъ душевную скуку и тоску тихою радостію воззрѣнія на это священное мѣсто, такъ благолѣпно и чудно украшенное, и выходя изъ него благодаритъ съ умиленіемъ виновника такого сладкаго на земномъ пути утѣшенія.

Остается сказать о трудахъ Фотія для благоустроенія жизни монашеской. Привлекая благолѣпіемъ въ свою обитель монашествующихъ, онъ озаботился въ то же время составленіемъ стройнаго чина, который введенъ имъ въ обители и остался постояннымъ ея правиломъ. Придавая блескъ храмамъ своего монастыря, онъ озаботился оживить древнее пѣніе. По этому въ его монастырѣ усовершенствовано пѣніе столбовое или знаменное,

которое восхищаетъ носѣтителей, увеличиваетъ число молящихся въ обители и не безплодно для обновленнаго монастыря. Въ 1830 году, не болѣе 6-ти лѣтъ послѣ того, какъ назначенъ былъ въ Юрьевъ монастырь Настоятелемъ, Фотій написалъ: «Уставъ Новгородскаго первоклассчаго Юрьева монастыря», въ коемъ, съ полнотою и точностію, обозначены и цѣль общежительныхъ обителей и духъ, который долженъ оживлять ихъ занятія и обязанности всякаго лица, которое имѣетъ въ нихъ какое либо особое званіе. Значительная часть правилъ или извлечена изъ наставленій, высказанныхъ древними отцами церкви и руководителями соборовъ иноческихъ, или выражаетъ общія требованія монашескихъ обѣтовъ. Тѣмъ не менѣе то единство, къ какому приведены всѣ эти правила, тѣ пополненія, которыя требовались новѣйшими отношеніями обителей и монашествующихъ къ обществу и самой Церкви, то примѣненіе къ способностямъ всякаго, кто можетъ избрать бытъ общежительный; указаніе источниковъ, изъ коихъ желающій можетъ и долженъ искать себѣ во многихъ случаяхъ вразумленія, — суть такія

преимущества, кои навсегда останутся за уставомъ Фотія.

Дѣйствуя собраніемъ и введеніемъ правилъ въ своемъ монастырѣ, Архимандритъ Фотій не преставалъ заботиться о назиданіи иноковъ поученіями.

Съ особенною христіанскою ревностію восходилъ онъ каждый воскресный и праздничный день на каѳедру проповѣдника. Уста его говорили отъ избытка сердца, и слова были живы и дѣйственны.

Авторъ «Путешествія по Святымъ мѣстамъ Русскимъ» справедливо замѣчаетъ, что: «величайшею изъ заслугъ Фотія было возстановленіе древняго чина иноческой жизни въ своей обители, и возбужденіе чрезъ то духа молитвы; ибо сердце его стремилось къ пустынному житію скитскихъ отцевъ, и посреди окружавшаго его великолѣпія святыни, самъ онъ велъ жизнь затворника, умножая строгость ея по мѣрѣ умноженія дней своихъ. Все что ни обновляла рука его, принимало на себя характеръ древности, не только зодчество и внутреннее устройство храмовъ, но и самый чинъ богослуженія и цер-

ковные напѣвы отзывались давно минувшими временами, и потому роднились съ сердцемъ, невольно разжигался духъ молитвы, видѣніемъ и слышаніемъ древняго церковнаго быта.»

Мы привели подлинныя слова извѣстнаго писателя, потому, что они краснорѣчивымъ и блистательнымъ образомъ подтверждаютъ разсказъ нашъ о трудахъ и подвигахъ усопшаго Фотія. Такое безпристрастное свидѣтельство драгоцѣнно для многочисленныхъ почитателей покойнаго Настоятеля Юрьевской обители. Далѣе г. Муравьевъ говоритъ: «Очевиднымъ свидѣтельствомъ благочестія, возбужденнаго въ народѣ Фотіемъ, служитъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, на который собираются въ Юрьевъ безчисленныя толпы богомольцевъ. Архимандритъ, соорудивъ недалеко отъ св. воротъ новый обширный храмъ, хотѣлъ посвятить его Преображенію Господню, на память древле существовавшей тутъ церкви; но, по совѣту Митрополита Серафима, который сожалѣлъ, что столь великое торжество, каково всемірное Воздвиженіе Креста Господня, ослабѣваетъ въ памяти христіанъ, рѣшился обновить праздникъ

сей въ Великомъ Новгородѣ съ особенною торжественностію. Освятивъ храмъ въ честь Воздвиженія Креста, онъ учредилъ, съ благословенія Архипастырскаго, крестный ходъ кругомъ всей обители, и на всенощной, при поклоненіи Животворящему Кресту, положилъ на всѣ будущія времена раздавать каждому изъ приходящихъ по малому кресту, мѣдному или серебряному. Необычайность торжества начала привлекать богомольцевъ въ обитель ко дню Воздвиженія, и доселѣ нигдѣ не празднуется онъ столь свѣтло и многолюдно.»

Надобно видѣть монастырь въ день Воздвиженія Животворящаго Креста Господня, чтобы сознать все величіе тамошняго празднованія.

«Самый великолѣпный храмъ въ Юрьевѣ— соборъ Великомученика Георгія. Величіе божественной службы, по особенному чину, усвоенному Юрьевской обители, стройность и древность столбоваго пѣнія, которое можно слышать тамъ въ совершенствѣ, все соотвѣтствуетъ красотѣ самаго храма, достойнаго Византійскаго зодчества XII вѣка. При самомъ входѣ въ Георгіевскій соборъ, отъ дверей

паперти взоры поражаются блескомъ безчисленныхъ лампадъ вокругъ напрестольной сѣни открытаго алтаря, сіяніемъ драгоцѣнныхъ камней на мѣстныхъ иконахъ, и пышностію ризъ священно-служителей, какъ бы во глубинѣ разверзшагося неба, откуда они выходятъ съ зажженными свѣтильниками, какъ бы на землю, въ облакахъ ѳиміама и при звукахъ небесныхъ гимновъ. Не такъ ли, прибавляетъ краснорѣчивый посѣтитель Юрьева, отозвались нѣкогда ангельскою пѣснію лики Софійскіе предкамъ нашимъ, въ домѣ Премудрости Божіей, и домъ Божій показался имъ небомъ, куда ввели они за собою все свое племя Славянское?»

«Таковъ древній храмъ Великомученика. Внѣшнее величіе его зодчества соотвѣтствуетъ строгою Византійскою простотою внутреннему благолѣпію. Три главы въ честь Святой Троицы вѣнчаютъ соборъ, и каждая имѣетъ свой особенный характеръ; онѣ горятъ яркимъ золотомъ на синевѣ Новгородскаго неба. Красивая колокольня надъ святыми воротами довершила собою красоту Юрьева; въ ней соединилась Италіянская легкость съ Ви-

зантійскимъ величіемъ, вполнѣ соотвѣтствуя характеру всего зданія: серебристымъ густымъ звукомъ ея колоколовъ бесѣдуетъ древній Юрьевъ съ современною ему Святою Софіею, и имъ сладостно внимаетъ Великій Новгородъ, разумѣя сердцемъ многоглагольный языкъ, полный минувшаго.»

Окончивъ симъ обозрѣніе Юрьевскаго монастыря, авторъ Путешествія по Святымъ мѣстамъ Русскимъ спрашиваетъ себя: «гдѣ же ключь живительнаго источника столь обительными струями непрестанно изливавшагося на обитель?»—и отвѣчаетъ: «Есть подлѣ обители небольшая усадьба, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ монастырь Св. Пантелеймона, коего уцѣлѣвшая церковь до сихъ поръ принадлежитъ къ ней. Тамъ было отрадное уединеніе избравшей себѣ это мѣсто послѣднимъ пріютомъ временной жизни, для приготовленія къ вѣчной. Тамъ окружали Графиню Анну со всѣхъ сторонъ величественная святыня древняго Новгорода, ибо куда только ни обращала она взоръ, отвсюду привѣтствовалъ и осѣнялъ ее многоглавый великій го-

родъ, безчисленными своими храмами и обителями.»

Въ это прекрасное уединеніе, близъ Юрьева монастыря, удалилась Графиня Анна Алексѣевна, чтобы быть ближе къ обители, для которой пожертвовала столькими сокровищами и богатствами, и къ отцу духовному, котораго считала своимъ руководителемъ на пути къ будущей вѣчной жизни, и прибавимъ къ праху родителя, который она перенесла подъ тихую, ею украшенную сѣнь храма Великомученика Георгія.

Три мраморныя плиты, всѣченныя въ стѣну и украшенныя гербами Князя Орлова и Графовъ Орловыхъ, обозначаютъ мѣста покоя близкихъ ея сердцу; надъ одною изъ нихъ изображенъ во весь ростъ Святитель Алексій, держащій въ рукахъ позлащенную икону Божіей Матери, (*) предъ которою всегда теплится лампада, (**) неугасаемо, освѣща-

(*) Сія икона была въ Чесменскомъ бою съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ.

(**) Всѣхъ неугасимыхъ лампадъ въ сей обители отъ Графини А. А. находится: въ Георгіевскомъ соборѣ 1,—въ лѣтнее же время 5, въ Спассовскомъ 8, у Всѣхъ Святыхъ 3, въ Пещерной церкви 1, въ самой пещерѣ 3, въ Скиту 1.

мыслями переносился въ селенія Вышняго. Помышляя единственно о Богѣ и спасеніи души, онъ отказался отъ всего земнаго. Служа ежедневно и пребывая въ храмѣ почти безвыходно, онъ какъ бы забылъ обыкновенныя требованія бреннаго тѣла своего: пищу, сонъ и покой. При всей слабости здоровья въ послѣдніе годы жизни, вовсе не хотѣлъ употреблять лекарствъ, и смирялъ себя постомъ, трудами и строгимъ воздержаніемъ. Приводя на память великій день Господень и послѣдній страшный судъ, который, по слову Сына Божія, долженъ открыться внезапно, Архимандритъ Фотій каждую полночь бодрствовалъ и молился о себѣ, о братіи и всѣхъ христіанахъ. Днемъ, послѣ обыкновеннаго обѣденнаго времени, онъ не давалъ сна очамъ и покоя плоти. Въ эти часы, выходя часто въ монастырскіе сады, насажденные его же рукою, удивлялъ окружавшую его братію своими трудами и распоряженіями. Не смотря на лѣтніе жары и слабое здоровье, онъ трудился не только до поту, но и до совершеннаго изнеможенія, и нерѣдко едва посаженное молодое деревцо заставлялъ или вовсе срубать или

обрѣзывать всѣ его вѣтви, или пересаживать въ новое мѣсто, и часто изъ хорошаго въ худшее. Окружавшіе Архимандрита недоумѣвали о такихъ его поступкахъ; дѣйствія эти имѣли тайный смыслъ. Фотій не обращалъ вниманія на толки, кои иногда по этому поводу возникали. Онъ хотѣлъ дѣйствовать примѣромъ, пріучать къ терпѣнію опытомъ, по древнимъ правиламъ основателей монастырскаго житія, желалъ трудившимся дать нѣкоторое изображеніе душевнаго ихъ состоянія. Человѣку, поселившемуся въ обители, чтобы принести всего себя въ жертву Богу, не надлежало ли прежде всего отвергнуться отъ самаго себя, по заповѣди Господней, а для того отсѣчь и волю свою, и свой умъ, и съ корнемъ вырвать всѣ страсти? Не надлежало ли выдти изъ обширнаго и просторнаго міра, пересадить себя въ тѣсное и убогое жилище монашеское, и взирать на себя какъ на странника, быть ниже послѣднихъ, безвѣстныхъ въ мірѣ гражданъ, и, въ замѣнъ всѣхъ этихъ лишеній, принять крестъ, облобызать нищету, сочетаться невозвратно съ смиреніемъ, поработить себя безусловному по-

слушанію, не скорбѣть душею ни о чемъ земномъ, и думать только о Богѣ и вѣчности? Такой великой истинѣ училъ Фотій самымъ дѣломъ и иносказательными примѣрами иночествующую братію свою.

Когда наступалъ Великій постъ, Архимандритъ, совершенно закрывая уста на время четыредесятницы, кромѣ храма и службы Божіей, *да не изыдетъ ни одно праздное слово изъ устъ*, являлся въ продолженіе всѣхъ семи недѣль безмолвнымъ, но краснорѣчиво-трогавшимъ проповѣдникомъ смиренія, самоотверженія и укрощенія всякаго чувства плотскаго. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, онъ не зналъ иной пищи, кромѣ просфоры и иногда самой простой жидкой кашицы, чтобы промочить изсохшую гортань; не употреблялъ другаго питія, кромѣ воды.

Богослуженіе, въ послѣдніе годы жизни Фотія, начинавшееся всегда въ полночь, а въ дни Великаго поста соединявшееся по порядку дневнаго времени съ третьимъ, шестымъ и девятымъ часами, дѣлало всю обитель однимъ общимъ храмомъ. Во всю первую недѣлю Великаго поста церкви не за-

[illegible] моленіе не прекраща- [illegible] непрерывно находились въ [illegible] всѣхъ ихъ вхо- [illegible] молитвою и пѣніемъ [illegible] прежде другихъ возжигалъ [illegible] иконами Христа и Пре- [illegible] Фотій входилъ первый [illegible] последній. Очеред- [illegible] только, какъ Настоя- [illegible] лампады, неугасимо горя- [illegible] образами. Въ такихъ [illegible] слову евангельскому, первый [illegible], старшій смиреннымъ [illegible].

[illegible] и этимъ строгимъ обра- [illegible] почти безпрерывною молитвою, [illegible] напоминать себѣ смерт- [illegible] и жизнь будущую, Фотій [illegible] два, одно другаго тѣснѣе [illegible] жилища: гробъ и потаенную [illegible](*). Гробъ указывалъ на [illegible] суеты человѣческой, и отвра-

---

(*) [illegible] своей онъ желалъ принять схиму [illegible] ее. Она найдена въ келіи послѣ его [illegible] хранится въ монастырской ризницѣ.

щалъ отъ міра; молельня возвышала душу его до небесъ, и воспламеняла желаніе жить только для неба и вѣчности. Въ эту келью Фотій каждую полночь и каждый день въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу вечера удалялся плакать и молиться. Здѣсь то, въ истинномъ затворничествѣ, какъ древніе отшельники преклонялъ колѣна, и со слезами воздѣвалъ руки къ образу Пресвятой Дѣвы.(*)

Такъ благочестиво и подвижнически текли послѣдніе годы жизни Архимандрита Фотія въ Юрьевской обители, такъ видимо отрѣшалась боголюбивая душа его отъ бреннаго тѣла, постоянно возносясь мыслію и желаніями въ горнія селенія.

Съ 1837-мъ годомъ кончается дѣятель-

(*) Во всю жизнь свою Фотій питалъ особенную любовь къ Божіей Матери и особенное благоговѣйное усердіе къ Ея имени. По этому онъ устроилъ въ Юрьевской обители особый храмъ Похвалы Божіей Матери, гдѣ, кромѣ мѣстнаго въ иконостасѣ Нерукотвореннаго образа Спасителя, всѣ безъ изъятія иконы представляютъ разныя изображенія Божіей Матери, и установилъ въ немъ неусыпно, день и ночь, чтеніе акаѳиста Богородицѣ. Мать Фотія, умирая, поручила его заступленію Пречистой Дѣвы Маріи, благословивъ сына образомъ Знаменія Божіей Матери, и какъ бы завѣщала ему всего болѣе молиться Утѣшительницѣ скорбящихъ.

ность Фотія; слѣдующій 1838 годъ не присоединился къ общему числу лѣтъ его.

Въ началѣ Декабря 1837 года Архимандритъ Фотій почувствовалъ болѣзнь, которая при дальнѣйшемъ развитіи сдѣлалась смертельною; замѣтно потухали взоры его, истаевали силы. Видя приближавшуюся смерть, и какъ бы предваряя приходъ ея, онъ сталъ чаще ходить къ своему гробу, молиться, плакать и безпрестанно думать о послѣднемъ смертномъ часѣ.

Какъ поучительна кончина такого мужа! Обращая печальный взоръ на послѣдніе дни и часы Фотія, нельзя ни видѣть, ни слышать его безъ искреннихъ слезъ умиленія.

«Въ послѣдній разъ стою я здѣсь съ вами, братія и чада моя о Христѣ Іисусѣ возлюбленная, предъ симъ божественнымъ престоломъ, и вкушаю на землѣ сію и Ангелами невкушаемую небесную пищу—Святое тѣло и Святую кровь Спасителя нашего,» сказалъ онъ, опершись на плечо Іеродіакона, читавшаго вслухъ послѣпричастныя молитвы. Отъ крайняго истощенія силъ онъ едва держался на ногахъ. Это было 7-го Января 1838

года. Съ того дня Архимандритъ Фотій слегъ на болѣзненный одръ, и уже не вставалъ съ него. Кто только видѣлся съ больнымъ, каждый выходилъ изъ кельи съ горькою мыслію о близкой и неизбѣжной его смерти. Глаза его начали потухать и предвѣщали скорую кончину. Видно было, что исполнилась мѣра трудовъ его, и настало время вѣчнаго покоя; исполнилась мѣра подвиговъ, и настало время вѣчнаго веселія. Чувствовалъ это и самъ смиренный отшельникъ, и въ послѣдній разъ начерталъ дрожащею рукою два слѣдующія писанія: одно, обнаруживающее истинную кротость и смиреніе души его, а другое исполненное христіанской любви ко всѣмъ.

1–е.

«Пятокъ Седм. Пер.»

«Во вся дни и часы я, по причинѣ горькой смерти, не молился вмѣстѣ съ вами, но вопилъ какъ Іовъ: отцы и братія, и чада, вси вы приступаете къ покаянію, простите мя днесь: я не могу пріобщиться съ вами, истинно умираю, а лица вашего не созерцаю, яко грѣшникъ. Отецъ вашъ Наст. Арх. Фотій.»

«Прощайте»

2–е.

«Отвѣтъ всѣмъ единъ.»

«Что вы ищете? Кого вы ищете? Священно-Архимандрита Фотія-отца? Нѣтъ здѣ: онъ умеръ и уже не видимъ его, и не увидимъ, какъ здѣ видѣли его всегда. 1838 г. 18-го февраля.»

Эти два письма были послѣднія, написанныя истомленнымъ и умиравшимъ инокомъ на болѣзненномъ одрѣ.

Скрываясь отъ свѣта, онъ сказалъ всѣмъ окружавшимъ его: «Спасися вся земля, всѣмъ спастися желаю.»

И съ этой минуты прощанія вся обитель облеклась въ печаль; на лицѣ каждаго рѣзкими чертами изобразилось сѣтованіе о потерѣ отца и духовнаго наставника; каждое сердце наполнилось неутѣшною горестію; приближенные и богомольцы плакали.

Обитель не вмѣстила и не могла вмѣстить всей скорби и плача объ умирающемъ, также какъ и добродѣтели его не заключались въ стѣнахъ ея одной. Скорбная вѣсть о кончинѣ

Фотія быстро пронеслась во всѣ стороны. Всѣ знавшіе его предались сѣтованію и непритворной печали. Одинъ плакалъ о немъ какъ о благодѣтелѣ; другой сѣтовалъ о наставникѣ духовномъ; третій о покровителѣ гонимыхъ, защитникѣ невинныхъ; четвертый о помощникѣ бѣдныхъ и сирыхъ; всѣ лишались въ немъ благочестиваго и добродѣтельнаго мужа! Три раза принималъ онъ таинство Елеосвященія; въ послѣдній разъ передъ самою кончиною.

Наступилъ вечеръ съ 25 на 26-е Февраля; ударилъ обычный полночной часъ молитвы Архимандрита Фотія. Всѣ иноки собрались и, окруживъ болѣзненный одръ его, какъ бы въ исполненіе прежняго его обычая въ полночь входить въ кельицу и тамъ молиться, терпѣливо ждали минуты, когда онъ, непропускавшій и въ болѣзни этого времени для молитвы, вознесетъ мысль свою къ Богу. Но онъ уже не могъ читать молитвы, и изъ груди его вырывались одни предсмертные вздохи; слова уже замирали въ устахъ; свѣтлые и дышащіе любовію взоры обращались на предстоявшихъ, чтобы послѣдній

разъ утѣшиться мысленною бесѣдою съ любезными братьями. Наконецъ онъ безмолвно простился и благословилъ всѣхъ, окружавшихъ одръ его. Во второмъ часу утра душа его воспарила къ Богу, къ которому такъ постоянно и пламенно возносилась молитвою.

Нельзя изобразить всей глубины скорби иноковъ, окружавшихъ усопшаго Настоятеля. Громкій плачь, послѣ безмолвнаго тяжкаго чувства, наполнилъ келіи покойнаго. Въ продолженіе девяти дней, пока стояло тѣло его въ келіи, иноки молились, не предавались покою, плакали и не хотѣли разстаться съ своимъ Настоятелемъ и благодѣтелемъ.

Въ то время не было въ Новгородѣ Преосвященнаго Епископа Старо-Русскаго Өеодотія, нынѣшняго Епископа Симбирскаго и Сызранскаго; онъ находился въ Старой Русѣ, для обозрѣнія паствы. Лишь только печальная вѣсть дошла до него, Архипастырь поспѣшилъ отдать послѣдній долгъ любви и уваженія къ усопшему; неоднократно совершалъ панихиды по ново-представльшемся, и самъ пожелалъ предать землѣ тѣло его. Приготовленіе къ погребенію было необычайное;

стеченіе народа безчисленное, въ продолженіи девяти дней все болѣе и болѣе возраставшее; милостыни по усопшемъ явно и тайно текли рѣкою, и раздавались безпримѣрно. Въ третье воскресеніе Великаго поста совершилось отпѣваніе останковъ Архимандрита Фотія. Собралось все Новгородское и ближайшее къ Новгороду духовенство, для отданія послѣднихъ почестей усопшему.

Отпѣваніе происходило въ холодномъ Георгіевскомъ соборѣ.

Во время трогательной пѣсни: «*Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему....*» высокіе своды храма огласились громкимъ плачемъ и рыданіями сирыхъ, бѣдныхъ и всѣхъ призрѣнныхъ усопшимъ. Вездѣ слышались и раздавались слова: «отецъ! благодѣтель! защитникъ!» Никто не думалъ хвалить его за благочестіе: такъ уже свыклись съ мыслію, что Фотій образецъ мужа, исполненнаго истины и добродѣтели.

Тѣло почившаго обнесли кругомъ Юрьевской обители, какъ Настоятеля ея; умилительная духовная процессія, вся, по его завѣщанію, въ бѣлыхъ одеждахъ, протянулась

чрезъ всю обитель. Потомъ гробъ отнесенъ былъ въ церковь Похвалы Божіей Матери и поставленъ на мѣстѣ, еще при жизни имъ самимъ избранномъ и устроенномъ, гдѣ заупокойная служба со дня кончины и до нынѣ постоянно совершается, по желанію Графини Анны Алексѣевны. Кромѣ заупокойной литургіи, каждый день бываетъ литія по усопшемъ, а каждую субботу панихида, совершаемая соборнѣ Настоятелемъ, кромѣ дней праздничныхъ.

Фотій жилъ всего 46 лѣтъ. Юрьевская обитель внесетъ золотыми буквами имя его въ свою лѣтопись.

ГЛАВА IV.

Благочестивые труды Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

Обращая мысленный взоръ на жизнь Графини Анны Алексѣевны въ уединеніи возлѣ Юрьевской обители, мы хотимъ изобразить ея благочестивые подвиги, будучи вполнѣ увѣрены, что читатели не съ любопытствомъ только, но и съ назиданіемъ прослѣдятъ картину сокровенной добродѣтельной жизни, посвященной богомыслію. Духъ первыхъ временъ христіанства проявляется въ подобномъ отверженіи отъ благъ земныхъ, въ равнодушіи къ мірскимъ почестямъ и особенно къ богатству.

При жизнеописаніи Гр. Анны Алексѣевны, мы остановились нѣсколько на Архимандритѣ Фотіи, именно потому, что значительная часть созданій и подвиговъ необыкновенныхъ мужа принадлежитъ участію Графини Орловой; съ другой стороны потому, что духовный характеръ подвиговъ и вообще подвижнической жизни не могутъ считаться въ значительной мѣрѣ плодомъ вліянія Архимандрита Фотія на духовную жизнь Графини.

Боголюбивая душа Графини Анны Алексѣевны за много лѣтъ до своей кончины отчуждилась отъ той жизни, которую называемъ мірскою, и рано стала возноситься мыслію и желаніемъ въ горнія обители Христовы. Много лѣтъ она жила единственно для Бога, особенно съ той минуты, какъ поселилась близъ Юрьевскаго монастыря. Не было дня, въ который бы она не посѣтила храма Божія; не было случая, который бы она пропустила сдѣлать ему приношеніе.

Во всѣхъ душевныхъ свойствахъ и во всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ она являла образъ сокровенной въ Богѣ жизни, благочестивой и

подвижнической, достойной подражанія, полной дѣятельной любви къ ближнимъ и благотворенія.

Перенося мѣсто своего жительства, какъ можно ближе къ Юрьеву монастырю, она искала мѣстнаго пособія въ дѣлѣ благочестія; надѣялась подъ надзоромъ отца духовнаго вѣрнѣе исполнять христіанскіе подвиги добра и молитвы, въ нѣкоторомъ удаленіи отъ свѣта. Такъ нѣжная лоза, устремляясь призваніемъ своей природы вверхъ, ищетъ себѣ опоры, и не оставляетъ ея и послѣ того, какъ достигнетъ значительной высоты и по видимому окрѣпнетъ.

Переселясь въ пріютъ возлѣ Юрьевскаго монастыря, Графиня вела жизнь еще строже прежняго, и почти совершенно посвятила себя трудамъ благочестія, имѣя въ виду одну цѣль—спасеніе души *здѣсь*, для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства *тамъ*.

Такимъ образомъ, съ юныхъ лѣтъ обратившись не къ міру и его суетѣ, а къ Богу и своему спасенію, она возлюбила смиреніе иноковъ и христіанское, трудное терпѣніе; предалась воздержанію, посту, молит-

вѣ, милостынѣ; посвятила Богу и свое богатство и свою душу и тѣло; видимо и постепенно наконецъ сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ показала ее блаженная, христіанская кончина, о которой разскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Болѣе двадцати пяти лѣтъ почти постоянно живя возлѣ Юрьевской обители, она, особенно въ послѣдніе годы, ежедневно слушала всенощную службу и раннюю обѣдню въ нижней церкви Похвалы Богородицы, съ литіею каждый день и съ панихидою по субботамъ, кромѣ праздниковъ, по ея родителяхъ и по усопшемъ Архимандритѣ Фотіи. Она считала его тоже своимъ отцемъ, потому что онъ воспиталъ въ ней жизнь духовную.

Во время Св. Четыредесятницы, Графиня пріѣзжала къ общей божественной службѣ въ церковь Всемилостиваго Спаса. Въ Великій постъ проводила большую часть дня въ церкви, а по ночамъ предавалась уединенной домашней молитвѣ. Въ это время воздержаніе въ пищѣ Графини усиливалось до постничества древнихъ отшельниковъ: въ первую недѣлю поста до субботы она не вкушала ничего, кромѣ просфоры и теплоты въ храмѣ въ среду

и въ пятницу за преждеосвященною обѣдню, а въ страстную недѣлю принимала пищу только въ великій четвертокъ. Пріобщалась Святыхъ Таинъ каждую субботу и воскресенье; вставала въ эти дни въ два часа по полуночи, и первая являлась къ заутренѣ въ три часа. День, въ который сподоблялась пріобщиться Святыхъ Таинъ, Графиня всегда называла днемъ блаженства и душевнаго торжества: она жаждала только манны небесной, источника вѣчной жизни, для которой бросила богатство, наслажденія свѣта, почести и всѣ земныя удобства. Даже въ тѣ дни, когда церковь не предписываетъ поста, и разрѣшаетъ на вкушеніе пищи болѣе питательной, Графиня не позволяла себѣ пользоваться предлагаемою свободою, не вкушала мяса, не употребляла и пищи молочной, а рыбную принимала только тогда, когда она разрѣшается церковнымъ уставомъ.

Отказавшись отъ удовольствій мірской жизни, Графиня Анна Алексѣевна не прекратила всѣхъ отношеній къ обществу, и несла всѣ обязанности, наложенныя на нее высокимъ ея званіемъ.

Во всякое свободное время, она читала псалмы Давидовы, первый, третій, шестый и девятый часы,—акаѳистъ Спасителю и Божіей Матери, Великомученицѣ Варварѣ и другимъ святымъ, канонъ Ангелу Хранителю. Каждую полночь вставала и двѣнадцать разъ повторяла молитву: *«Богородице, Дѣво, радуйся.»* Чтобы не пропустить желанной минуты, Графиня никогда не спала до наступленія этого часа на обыкновенной своей кровати, впрочемъ самой простой и незавидной, а на особенномъ диванѣ въ молитвенной своей комнатѣ, прямо противъ иконы Казанской Божіей Матери и прочихъ святыхъ иконъ, и уже послѣ совершенія полунощной молитвы отходила въ опочивальню. Такъ проводила жизнь дочь знаменитаго Чесменскаго героя.

Во время божественной службы въ нижней церкви Похвалы Божіей Матери, Графиня становилась всегда передъ образомъ Божіей Матери Неопалимой Купины, любила передъ Нею преклоняться и лобызать пречистыя Ея стопы. По окончаніи службы церковной прикладывалась обыкновенно ко всѣмъ святымъ иконамъ.

Графиня усердно посѣщала и другія святыя мѣста, Божіе храмы, монастыри и лавры. Въ Кіевской лаврѣ незадолго до своей кончины была два раза, и жила тамъ долгое время, питая къ ней особенное благоговѣніе, какъ къ древнѣйшей Руской святынѣ и колыбели святой Православной вѣры въ отечествѣ.

Съ людьми благочестивыми и наученными опытомъ любила бесѣдовать о подвигахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, о мѣстахъ ихъ подвижничества, о святомъ градѣ Іерусалимѣ и горѣ Аѳонской; всегда желала быть въ Іерусалимѣ, поклониться Святому Гробу. Съ душевнымъ умиленіемъ бесѣдовала о мѣстахъ, освященныхъ стопами Спасителя и пребываніемъ Пречистой Дѣвы Богородицы, и о распространеніи христіанской вѣры.

Набожность Графини служила источникомъ чистой, полной любви къ ближнему. Пламенѣя любовью къ Богу, она во всѣхъ ближнихъ видѣла Христову братію, и не жалѣла для нихъ ничего. Истинно благочестивая въ душѣ, Графиня Анна не льстилась при этомъ ни людскими похвалами, ни мірскою суетною

славою. Жертвовала Богу и ближнимъ, по непреоборимому влеченію души, потому что чувствовала въ этомъ необходимую потребность; жертвовала и явно и тайно, какъ представлялся случай, съ постоянствомъ, по истинѣ удивительнымъ. Лучшими свидѣтелями этой истины не только Юрьевскій монастырь, изъ развалинъ ею воздвигнутый, благоукрашенный, обогащенный, но и всѣ наши лавры, всѣ монастыри Русскіе и монастыри святой Аѳонской горы, каѳедральные соборы, множество другихъ церквей, всѣ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, одаренные то вкладами, то украшеніями и улучшеніями.

Всѣ эти наружныя жертвы, всѣ эти видимыя подаянія во славу Бога, на украшеніе обителей и храмовъ, и на пользу бѣдныхъ и неимущихъ, соединялись съ особеннымъ внутреннимъ смиреніемъ, и съ удивительною ко всѣмъ привѣтливостію.

Самолюбіе вовсе не было извѣстно Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ: она ласково и съ благодарностью принимала замѣчанія, и представляла собою образецъ смиренія, хотя могла

по справедливости гордиться и знатностію своего происхожденія, и великими заслугами родителя, и превосходствомъ своего воспитанія и образованія, родственными связями съ знатнѣйшими фамиліями въ государствѣ и особенно постояннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ къ ней Членовъ Императорской Фамиліи, къ Которой питала безграничное благоговѣніе и преданность.

Одинаково принимала она богатыхъ и бѣдныхъ, самыхъ знатныхъ людей и самыхъ незначительныхъ въ обществѣ; и тѣ и другіе равно пользовались ея радушнымъ пріемомъ, если не находила ихъ слишкомъ чуждыми себѣ по духу.

Графиня никогда не увлекалась гнѣвомъ или досадою. Удивительная способность владѣть собою развилась въ ней съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, и съ лѣтами все болѣе и болѣе утверждалась, особенно въ Юрьевскомъ уединеніи, гдѣ не встрѣчала и предметовъ, которые могли бы возмущать и волновать ея душу.

Когда обстоятельства вызывали строгость и взыскательность, она предпочитала христіан-

ское терпѣніе и снисхожденіе къ слабостямъ ближняго.

Обязанности своего званія исполняла всегда съ точностію; была терпѣлива во всѣхъ дѣйствіяхъ; христіанскіе подвиги совершала безъ тщеславія и не знала препонъ милосердію. Требуя отъ управляющаго каждодневно отчетъ въ расходахъ, дѣлала это для того, чтобы видѣть мѣру, въ какой могла на другой день творить благодѣянія во славу Божію.

Нищіе и бѣдные со всѣхъ сторонъ текли къ Графинѣ, являлись повседневно, и утромъ и вечеромъ, были радушно всѣмъ довольствованы, и отпускались съ милостынею.

ГЛАВА V.

Мірская жизнь Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

Предаваясь трудамъ благочестія, благотворенія, поста и молитвы, Графиня Анна Алексѣевна исполняла вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности, возложенныя на нее высокимъ ея званіемъ при Высочайшемъ Дворѣ.

Она была Каммеръ-Фрейлиной Ихъ Величествъ, Императрицъ Маріи Θеодоровны, Елисаветы Алексѣевны и Александры Θеодоровны, и всегда искала случая служить и показать свою преданность Августѣйшему Дому.

Пожалованная во Фрейлины семи лѣтъ отъ рода, за особенныя заслуги родителя,

Графиня, при дальнѣйшемъ прохожденіи этого званія, удостоилась получить отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны портретъ Ея Величества, въ 1817 году, съ пожалованіемъ Камеръ-Фрейлиною; блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ наградилъ ее портретомъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, а въ коронацію благополучно царствующаго Императора Графиня получила знаки ордена Св. Екатерины меньшаго креста. Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна осчастливила ее также пожалованіемъ Своего портрета. Такимъ образомъ она имѣла награды и большую часть отличій, какихъ можетъ удостоиться въ Россіи лице ея пола, поставленное въ возможность служить Царственному Дому и отечеству.

Отправляя свои обязанности при Высочайшемъ Дворѣ, Графиня Анна Алексѣевна лѣтомъ 1826 года сопровождала Императрицу Александру Ѳеодоровну въ Москву на коронованіе. Въ продолженіи торжества находилась все время при Ея Величествѣ.

Въ 1828 году, сопровождала Ея Величе-

ство Государыню Императрицу въ Одессу, и оттуда, чрезъ Кіевъ, возвратилась въ Петербургъ.

Потомъ Графиня сопровождала Государыню Императрицу въ Варшаву, и сопутствовала Ея Величеству въ Берлинъ.

Графиня Анна Алексѣевна, по волѣ Государыни, сопровождала также Ея Величество въ Прусскую Силезію, въ Фишбахъ, гдѣ Ея Императорское Величество изволила имѣть свиданіе съ Августѣйшимъ Своимъ родителемъ и съ Своею фамиліей. Это была послѣдняя поѣздка ея съ Царственными особами.

Окружавшіе Графиню Анну Алексѣевну не помнятъ, чтобы она въ продолженіе всей своей жизни была когда либо опасно нездорова. Въ 1826 году, находясь въ Москвѣ, почувствовала лихорадочное состояніе, но скоро освободилась отъ болѣзни. Въ 1848 году въ домѣ ея умерло нѣсколько человѣкъ отъ холеры; Графиня была этимъ встревожена, но, имѣя твердую вѣру и упованіе во всѣхъ случаяхъ на милость Божію, перенесла благополучно опасенія.

Графиня, въ пребываніе въ Петербургѣ и

Москвѣ, сообразжалась съ требованіями, налагаемыми на нее общественными условіями и свѣтскимъ приличіемъ. Охотно принимала у себя въ домѣ посѣтителей, но сама не любила выѣзжать въ гости; привычка эта досталась ей отъ родителя. Въ обществѣ и бесѣдѣ, Графиня ни словами, ни обращеніемъ, ни чѣмъ не давала замѣтить о строгой жизни, которую вела въ тишинѣ для Бога и спасенія души.

Видѣвшіе ее только въ гостинныхъ и не подозрѣвали, что она проводитъ большую часть времени въ молитвѣ и благочестивыхъ трудахъ. Благочестіе Графини, для знавшихъ ее, проявлялось въ обществѣ въ чрезвычайной привѣтливости къ людямъ, коихъ другіе считали ничтожными, въ забвеніи огорченій, наносимыхъ иногда невольно, въ чрезвычайной терпѣливости, въ точномъ исполненіи даваемыхъ обѣщаній, и готовности на всякое доброе дѣло.

Въ обществѣ трудно было найти другую даму, столь же знаменитую, столь же богатую, и при томъ столь же снисходительную, какъ Графиня Анна Алексѣевна.

ГЛАВА VI.

Пожертвованія Графини Анны Алексѣевны.

Упомянувъ о подвигахъ Графини Орловой въ отношеніи къ ней самой и ближнимъ, скажемъ словами А. Н. Муравьева, что еще болѣе достойны вниманія, и, конечно, незабвенны будутъ ея подвиги въ отношеніи къ Православной Церкви. «Кто не подивится благолѣпію обители Юрьевской, къ коей особенно лежало ея сердце, и которая дѣйствительно заслуживала вниманіе, какъ древнѣйшая послѣ Печерской, основанная Ярославомъ Великимъ. Не ей ли обязаны своимъ благосостояніемъ и всѣ прочія обители Новгородскія? И соборъ Софійскій испыталъ ея

щедрую руку—подъ его древнею сѣнію Святители Никита и Іоаннъ почиваютъ въ серебрянныхъ ракахъ, отъ нее пожертвованныхъ: все это памятники историческіе. Ею украшенъ, или, лучше сказать, созданъ новый великолѣпный храмъ Ростова въ обители Святителя Димитрія, гдѣ украсила она и раку Св. Іакова. Еще не довершенъ храмъ обители Задонской, но кто положилъ ему основаніе? Лавра Печерская исполнена ея щедрыхъ даяній; такъ—въ Успенскомъ соборѣ, по ея усердію, бронзовый иконостасъ, цѣною въ милліонъ, долженъ былъ замѣнить деревянный. Великолѣпная рака Великомученицы Варвары въ златоверхой обители Михайловской, вылитая вся изъ серебра, останется всегда народнымъ памятникомъ усопшей; и въ Почаевской лаврѣ, недавно возвращенной къ Православію, уже есть залогъ ея пламенной ревности: серебрянная гробница первоначальника Іова и богатыя украшенія горняго мѣста вокругъ чудотворной иконы.»

Изъ этого обзора главнѣйшихъ ея приношеній, замѣчаемъ, что они были жертвуемы преимущественно на пользу монастырей, ко-

торые считала Графиня священнымъ хранилищемъ церковныхъ уставовъ и благочестія; въ нихъ окончили земную жизнь большая часть святыхъ угодниковъ, прославленныхъ чудесами въ Православной Церкви.

Особенное вниманіе обращала она на монастырь Юрьевскій въ Новгородѣ. Причина такого участія Графини къ благолѣпію этой обители извѣстна изъ оставшихся послѣ нея бумагъ и документовъ. Въ своихъ запискахъ, въ 1827 году она писала:

«По кончинѣ родителя моего, наложила я на себя обѣтъ предъ Господомъ Богомъ, сдѣлать въ память и во спасеніе душъ представившихся родителей моихъ и рода моего значительное какое либо богоугодное заведеніе. По долговременномъ и зрѣломъ обозрѣніи обѣта моего, Господь открылъ мнѣ случай исполнить оный надъ святою обителью— Новгородскимъ первоклассньмъ Юрьевымъ общежительнымъ монастыремъ; къ чему главнѣйшія побудительныя причины были слѣдующія:

«1. Что Священно Архимандритъ Фотій, извѣстный всѣмъ по строгой монашеской жиз-

нии, избранъ мною въ Наставника и Духовника, и по волѣ, и именно, по указанію Серафима Митрополита долженъ былъ сдѣлаться моимъ Наставникомъ и Духовникомъ, прежде, нежели былъ еще Настоятелемъ Юрьева монастыря.

«2. Юрьевъ монастырь есть зданіе древнѣйшее въ Россіи, основанное Ярославомъ Великимъ въ 1030-е лѣто по Рождествѣ Христовѣ, при самомъ началѣ вѣры въ Россіи; а соборная церковь Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія создана въ 1119-е лѣто Великимъ Княземъ Мстиславомъ и сыномъ его Святымъ Великимъ Княземъ Всеволодомъ, которая церковь и до нынѣ стоитъ, въ продолженіи семи сотъ лѣтъ, безъ всякой перемѣны: между тѣмъ Юрьевъ монастырь, время отъ времени, въ такое пришелъ крайнее запустѣніе, что уже никакихъ обыкновенныхъ средствъ высшее Духовное Начальство не имѣло въ виду къ поддержанію его.

«Почему, въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1822 году, Его Высокопреосвященство Митрополитъ Серафимъ, намѣреваясь сдѣлать Настоятелемъ въ Новгородскій первоклассный

Юрьевъ монастырь Архимандрита Фотія, сообщилъ оное намѣреніе мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я всевозможно помогала въ обновленіи запустѣвшей обители сей Архимандриту Фотію, яко Наставнику и Духовнику своему; я же соревнуя древнимъ соорудителямъ и поддержателямъ сей обители, почла возобновленіе оной дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, и паче иныхъ заведеній рѣшилась обѣтъ мой, данный по кончинѣ родителя моего, весь исполнить надъ симъ монастыремъ.

«3. Такимъ образомъ рѣшимость моя на обновленіе сей обители имѣла главное основаніе—извѣстныя мнѣ тщаніе и неусыпные труды Архимандрита Фотія, который доказалъ на самомъ дѣлѣ, что никто кромѣ его, по чистотѣ совѣсти и усердію къ Богу, не могъ привести въ исполненіе Богу данный мною обѣтъ, какъ сердце мое того желало; при чемъ подкрѣплялось удостовѣреніе мое и соглашеніемъ на все Его Высокопреосвященства Митрополита Серафима.

«4. Къ непремѣнному же и безостановочному исполненію сего, Богомъ внушеннаго мнѣ обѣта, удостоилась я получить Вы-

сочайшее въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I-го подтвержденіе.

«Такимъ образомъ, при слабомъ усердіи моемъ, Настоятель обители Архимандритъ Фотій приводилъ все въ исполненіе, сообразуясь съ волею и приказаніемъ Его Высокопреосвященства Митрополита Серафима, коимъ онъ, въ полномъ смыслѣ истиннаго и смиреннаго монаха, всегда руководствовался. Событія доказали, что неусыпные труды его не остались вотще: ибо, на мѣсто превращенныхъ двумя пожарами въ пепелъ двухъ церквей, воздвигнуты и возобновлены двѣ другія: первая—Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Его образа; а вторая во имя всемірнаго Воздвиженія Честнаго Креста Господня, въ память покойнаго Государя, благодѣтеля обители; третія—возобновлена соборная древняя церковь Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; и сверхъ того весь монастырь по всѣмъ частямъ возобновленъ и устроенъ: порядокъ, чинъ церковный и монашескій уставъ общежитія иноческаго, по примѣру древнихъ святыхъ оби-

телей, и прочее заведеніе,—все установлено и приходитъ въ настоящее состояніе.»

Видимъ изъ этихъ словъ всю систему и цѣль главнѣйшихъ приношеній Графини. И какъ главнымъ поприщемъ ея благотворительной дѣятельности была Юрьевская обитель, то считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя историческія подробности объ этомъ знаменитомъ монастырѣ, древнѣйшемъ изъ обителей Русскихъ.

Въ древности онъ назывался лаврою, а при распредѣленіи церквей и монастырей въ штаты, отнесенъ въ разрядъ монастырей первоклассныхъ. Расположенный въ трехъ верстахъ отъ Новгорода Великаго, по лѣвому берегу Волхова, на мѣстѣ возвышенномъ, недосягаемомъ разливомъ весеннихъ водъ. монастырь Юрьевскій въ половодіе представляетъ живописную картину: въ водѣ со всѣхъ сторонъ, кажется сооруженнымъ на возвышенномъ островѣ.

Къ сѣверу отъ монастыря лежитъ Новгородъ; на востокъ видно Городище, любимое мѣстопребываніе перваго Русскаго Князя Рю-

рика, и монастыри: Кирилловскій и Сковородскій; на югъ тянется озеро Ильмень.

Время основанія Юрьевскаго монастыря восходитъ къ 1030 году, когда княжилъ въ Новгородѣ Ярославъ Владиміровичъ. По сказаніямъ Псковской лѣтописи, Князь ходилъ въ этомъ году на Чудь, побѣдилъ ее, поставилъ градъ Юрьевъ, и по возвращеніи въ Новгородъ, вѣроятно желая увѣковѣчить свои побѣды надъ Чудью, положилъ основаніе обители Юрьевской, устроивъ ее первоначально деревянную.

Около ста лѣтъ существовала обитель Юрьевская, когда послѣдовала закладка каменной церкви во имя того же Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, при Князѣ Мстиславѣ, въ 1119-мъ году; но достроена при сынѣ основателя, Всеволодѣ Гавріилѣ, вѣроятно послѣ его похода, въ 1133-мъ году, на Чудь и возвращенія отторгнутаго изъ владѣнія Русскихъ Юрьева. Тогда же построены были два придѣла, одинъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери, другой во имя благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, родственниковъ Мстислава, на высокихъ хо-

рахъ, по древнему, какъ замѣчаетъ описатель Русской святыни, чину церквей Греческихъ, гдѣ главный престолъ никогда не былъ стѣсняемъ боковыми.

Хотя архивъ Юрьевскаго монастыря много пострадалъ отъ Шведовъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, однакожъ мы утвердительно можемъ сказать, основываясь на несомнѣнныхъ актахъ, что въ этой обители, кромѣ храма во имя Св. Великомученика Георгія, освященнаго при Князѣ Всеволодѣ, существовали еще: 1, церковь Преображенія, построенная надъ главными сѣверными вратами въ 1160-мъ году и возобновленная въ 1297 году; 2, церковь во имя Св. Алексія Митрополита, построенная на югъ отъ соборной въ 1539-мъ году. Оба храма снесены въ 1761 году, по ветхости, грозившей имъ паденіемъ.

Самый храмъ Св. Георгія, обновленный въ началѣ XIV вѣка, подвергался опустошенію при нашествіи Шведовъ, въ смутное время самозванцевъ, и обновленъ щедротами Царя Михаила Θеодоровича. Знаменитый современникъ Петра Великаго, Іовъ, Митро-

политъ Новгородскій, призрѣлъ также пастырскими заботами храмъ Великомученика, при содѣйствіи Юрьевскаго Настоятеля Гавріила.

Послѣ прекращенія Шведскихъ набѣговъ, обитель Юрьевская значительно возвысилась въ своемъ благосостояніи и застроилась церквами на собственныя средства.

Въ XVIII столѣтіи монастырь имѣлъ внутри и внѣ, кромѣ соборнаго храма во имя Св. Георгія, главной своей святыни, церковь Св. Ѳеодора и Александра Невскаго, каменную, выстроенную въ 1761 и освященную въ 1763-мъ году; церковь Св. Николая, деревянную, противъ Александровской, которая была нѣсколько разъ перестроиваема: сооружена первоначально въ 1736-мъ, передѣлана въ 1742, разобрана въ 1763 и замѣнена другою, во имя того же Святаго, четвероугольною каменною церковью въ два яруса, заложенною въ 1760-мъ году. Въ этотъ промежутокъ времени монастырь пріобрѣлъ колоколъ замѣчательной величины, въ 225 пудовъ, отлитый первоначально въ 108 пудовъ, потомъ перелитый въ 1733 году при Настоятелѣ монастыря Іосифѣ. На колоколѣ изображенъ

восьмиконечный крестъ, Св. Георгій Побѣдоносецъ сидящимъ на конѣ, и вензель Грузинскими буквами (вѣроятно Архіепископа Іосифа). Это благосостояніе едва составляло тѣнь того величія, какимъ красовалась обитель въ древности; источниками къ украшенію служили различные вклады и привиллегіи.

Во время Царей, Юрьевскій монастырь, за великолѣпіе и богатство, назывался лаврою, владѣлъ землями, нѣсколькими домами и садомъ въ Новгородѣ; имѣлъ до 5000 душъ крестьянъ и 3800 десятинъ земли, доставлявшихъ ежегодно болѣе 8000 четвертей ржи и болѣе 20000 стоговъ сѣна. Въ вѣдомствѣ его, или лучше подъ непосредственнымъ его управленіемъ, находилось до 50 другихъ обителей Новгородскихъ, изъ коихъ многія истреблены временемъ. Въ 1764 году, при учрежденіи штатовъ монастырей, Юрьевская обитель, утративъ названіе лавры, приписана къ первому классу.

Чтобы пояснить историческое значеніе монастыря, укажемъ на письменные памят-

ники, сохранившіеся въ немъ, интересные для любителей древности.

Главнѣйшій изъ нихъ подлинная грамота Великаго Князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившаго Георгіевскій храмъ; она можетъ быть отнесена къ древнѣйшимъ изъ всѣхъ грамотъ, какія уцѣлѣли у насъ отъ всеистребляющаго времени. Грамота писана на пергаментѣ и скрѣплена серебряною печатью, съ изображеніемъ на одной сторонѣ сидящаго Спасителя, а на другой Архангела Михаила; дана въ обитель вмѣстѣ съ блюдомъ Всеволода, о коемъ въ ней и упоминается. Вотъ текстъ грамоты:

«Се азъ Мстиславъ Володиміръ сынъ, дръжа руску землю въ своіе княженіе, повелѣлъ іесмь сыну своему Всеволоду отдати . . . цѣ святому Георгиеви, съ данию, и съ вирами, и съ продажами, даже которыи князь по моіемъ княжении почнетъ хотѣти отъяти у Св. Георгия. А Богъ буди за тѣмъ и святая Богородица и тъ святый Георгий у него то отимаіетъ. И ты игумене . . . . и вы братиѣ даніѣжеся миръ съ стоитъ, молите Бога за мя и замоѣ дѣти, кто ся изоостанетъ въ

монастыри. То вы тѣмъ дължнъни iесте молите за ны Бога и при животѣ и въ смьрти. А язъ далъ рукою своiею и осеньнiеiе полюдие даровноiе полътретия десяте гривьнъ Святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ iесмь блюдо серебрьно, въ тритцать гривенъ серебра. Святому же Георгиеви, велѣлъ iесмь быти въ нiе на обѣдѣ коли игуменъ обѣдаiетъ. Даже кто запъртитъ или ту дань и се блюдо, да судитъ iему . . . . . день пришествия своеiго и тъ святый Георгий.»

Самое блюдо, сохраненное доселѣ среди всѣхъ опустошенiй обители, находится въ ризницѣ; оно серебряное, позолоченное и такъ древне, что не можетъ почесться инымъ какъ тѣмъ, которое отказалъ въ обитель Св. Князь Всеволодъ Гаврiилъ.

Въ монастырѣ Св. Георгiя хранится также кусокъ скалы, къ которой прикована была Сирiйская Царевна, обреченная въ жертву морскому чудовищу и избавленная отъ смерти Св. Великомученикомъ Георгiемъ.(*)

(*) При этомъ событiи, бывшемъ при градѣ Веритѣ, надъ моремъ Сирiйскимъ—*Царь града того, и весь народъ вѣроваша во Христа, и крещенiе святое прiяша: бѣ же крещенныхъ му-*

Кромѣ грамоты Мстислава, о которой мы сейчасъ сказали, монастырь имѣетъ грамоту отъ Всеволода, пожаловавшаго ему пажити; грамоту отъ Князя Іоанна Даниловича Калиты, которою Великій Князь въ 1328-мъ году освободилъ монастырь и принадлежавшихъ ему людей отъ всякихъ мірскихъ сборовъ и повинностей; грамоту отъ Царя Ѳеодора Іоанновича, которою предоставлялся Юрьевскому монастырю соляный доходъ въ Старой-Русѣ; грамоту царя Михаила Ѳеодоровича, о назначеніи трехъ сроковъ въ годъ для сужденія дѣлъ монастырскихъ; его же грамоту, о томъ, кому судить дѣла Юрьевскаго монастыря; и другую о присоединеніи къ Юрьеву Перыннаго монастыря въ 1634-мъ году; грамоту Царя Алексѣя Михайловича въ 1651-мъ году о соляныхъ доходахъ около Старой Русы; отъ него же, въ 1667 году, о присоединеніи Горницкаго монастыря; егоже въ 1607 г., о монастырѣ Пантелеймонов-

жей двадесять и пять тысящь, кромѣ женъ и дѣтей. И на томъ мѣстѣ потомъ создана бысть церковь великая и прекрасная во имя пречистыя Дѣвы Богородицы. (Миней Четіихъ, Апріллій).

скомъ; его же въ 1674 году, о пожалованіи Юрьевской обители села Заробій; грамоту Царя Θеодора Алексѣевича, который дозволилъ двадцати Юрьевскимъ монахамъ ежегодно ловить рыбу въ Ильмень озерѣ; его же, о присоединеніи Нередицкаго монастыря въ 1678-мъ году; его же въ 1680 году, объ утвержденіи за Юрьевскимъ монастыремъ всѣхъ жителей Кареліи, которые искали въ немъ пристанища и покровительства; его же въ 1681 году, о дачѣ монастырскимъ гонцамъ повсемѣстно лошадей; его же и въ томъ же году, о присоединеніи Леохнова монастыря; грамоту Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1691-мъ году, о присоединеніи монастыря Волотова.

Еще хранится грамота, писанная на пергаментѣ, дарованная монастырю св. Іоною Архіепископомъ Новгородскимъ, коего нетлѣнныя мощи и понынѣ почиваютъ въ 40 верстахъ отъ Новгорода, въ пустынномъ Отенскомъ монастырѣ.

Исчисленные акты удостовѣряютъ, что Юрьевъ монастырь обращалъ на себя особенное вниманіе благочестивыхъ Царей и Іе-

рарховъ Русскихъ, и получалъ отъ нихъ не только необходимое покровительство, но и важныя преимущества и значительныя средства для поддержанія древней извѣстности.

Послѣ грамотъ, самая замѣчательная вещь есть плащаница горькопамятнаго междоусобною бранію Князя Дмитрія Шемяки, который, послѣ краткаго сидѣнія на престолѣ ослѣпленнаго имъ Василія Темнаго, принятъ былъ мятежнымъ Новгородомъ и положилъ вкладъ за себя и дѣтей въ обитель Юрьевскую, не подозрѣвая, что и самъ упокоитъ въ ней свои скитальческія кости. Кругомъ плащаницы вышита золотомъ слѣдующая надпись:

«Лѣта 6957 индикта 7-го, какъ былъ Князъ великій Дмитрій Юрьевичъ въ великомъ Новгородѣ, и повелѣніемъ великаго Князя, наряженъ былъ сей воздухъ, въ храмъ Святаго Великомученика Христова Георгія, того же лѣта, мѣсяца Августа въ 23 день, благовѣрною его великою Княгинею Софьею, и при сынѣ благовѣрномъ Князѣ Иванѣ и положенъ бысть въ церкви св. Великомученика Христова Георгія, въ великомъ Новѣгра-

дѣ, въ Юрьевѣ монастырѣ, при Архіепископѣ Великаго Новгорода, владыкѣ Евѳиміѣ, при Архимандритѣ Мисаилѣ, за оставленіе грѣховъ и спасенія ради душъ нашихъ и нашихъ дѣтей, и тѣмъ внучатомъ и правнучатомъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ, аминь.»

Былъ и еще древній царскій вкладъ въ монастырѣ, четырехъярусное мѣдное паникадило, надъ амвономъ, которое пожертвовалъ обители Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ разоренія ея Шведами, на память изгнанія враговъ. Паникадило это передано въ послѣдствіи въ Иверскій монастырь.

Важнѣйшая драгоцѣнность въ монастырѣ Юрьевскомъ заключалась въ нетлѣнныхъ мощахъ благовѣрнаго Князя Ѳеодора Ярославича (брата Св. Александра Невскаго).

Этотъ Князь, по добровольномъ удаленіи любимаго Новгородскаго Князя Михаила Черниговскаго, былъ испрошенъ Новгородцами къ себѣ на княженіе въ 1225 году. Едва десяти лѣтъ отъ роду оставленъ онъ былъ здѣсь родителемъ своимъ Ярославомъ II Всеволодовичемъ, вмѣстѣ съ братомъ его Александромъ (Невскимъ) въ 1228 году, подъ на-

блюденіемъ двухъ вельможъ, какъ въ слѣдующемъ же году, по поводу безпокойствъ, возникшихъ въ Новгородѣ, долженъ былъ удалиться къ отцу. Ярославъ Всеволодовичъ смиривши мятежниковъ, въ 1230 году снова посадилъ на княженіе въ Новгородѣ дѣтей своихъ. Въ походѣ противъ Мордвы въ 1232-мъ году прославились они воинскими доблестями, а черезъ годъ послѣ того юный Князь Θеодоръ, по словамъ лѣтописи, цвѣтущій красотою, готовился вступить въ бракъ, но внезапная смерть прекратила дни его.

Подъ 6741 (1233) годомъ лѣтописецъ Новгородской 1-й лѣтописи такъ разсказываетъ о неожиданной кончинѣ Князя, благочестіемъ и бранными подвигами подававшаго большія надежды: «томъ же лѣтѣ преставися князь Θеодоръ, сынъ Ярославль вячьшій, іюня въ 10 (*) и положенъ бысть въ монастыри святого Георгія. и еще младъ и кто не пожалуеть сего? Сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани,

(*) По дополненію другаго списка въ пятокъ, на память Св. Тимофея, въ первый часъ дня.

и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе, за грѣхы нашы; нъ Господи, слава тебѣ, царю небесныи! изволышю ти тако. нъ покои его съ всѣми правьдьными.»

Въ бѣдственную эпоху самозванцевъ, когда находился въ Новгородѣ вождь Шведовъ Делагардій, обитель Юрьевская подверглась разоренію. Потому послѣ четырехъ вѣковаго упокоенія въ храмѣ Великомученика Георгія, мощи Князя Өеодора перенесены были знаменитымъ Митрополитомъ Новгорода Исидоромъ въ Софійскій соборъ, дабы предохранить святыню отъ поношенія враговъ, и въ монастырѣ осталась только гробница благочестивой матери Св. Князей Өеодора и Александра, Княгини Өеодосіи, дочери храбраго Мстислава, который столько лѣтъ охранялъ Новгородъ славнымъ мечемъ своимъ, и самъ нетлѣнно почиваетъ подъ сѣнію Св. Софіи.

Въ исходѣ минувшаго столѣтія обитель Юрьевская удостоилась принять другіе нетлѣнные останки, Св. Архіепископа Өеоктиста, избраннаго Новгородомъ въ 1300-мъ го-

ду *). Святѣйшій Сѵнодъ разрѣшилъ въ началѣ 1796 года, по ходатайству Митрополита Гавріила, перенести мощи Святителя Ѳеоктиста изъ упраздненнаго сосѣдняго монастыря Благовѣщенія въ Юрьевъ.

Мало сохранилось извѣстій о подвигахъ этого угодника Божія во время его жизни; но многія исцѣленія прославили его послѣ кончины. Постриженный въ обители Благовѣщенской, которую основали два святые брата, Іоаннъ и Григорій, бывшіе потомъ оба Владыками Новгорода, онъ принялъ отъ нихъ игуменство и каѳедру Софійскую; но послѣ восьмилѣтняго правленія отошелъ опять на безмолвіе въ прежнюю свою обитель и тамъ, чрезъ три года, окончилъ святую жизнь, въ иноческихъ подвигахъ. Первое прославленіе Святителя Ѳеоктиста случилось болѣе трехъ сотъ лѣтъ послѣ его кончины, въ царствованіе Царя Алексія Михайловича. Долгое время страдавшей внутреннею болѣзнію

*) Этому избранію, по сказанію лѣтописи Св. Новгор. 1 лѣтописи подъ годомъ 6807, предшествовало долгое совѣщаніе Новгородцевъ съ посадникомъ Андреемъ и избраны отъ Бога назначеніемъ жребія мніхъ и старецъ Ѳеоктистъ игуменъ съ Благовѣщенія.

Іуліяніи, больной супругѣ находившагося здѣсь (при бояринѣ Григорьѣ Куракинѣ) Царскаго дьяка Ивана Зиновьева, явился какъ бы во снѣ мужъ священнообразный, и велѣлъ ей взыскать гробъ Ѳеоктиста Архіепископа, чтобъ получить желанное исцѣленіе. По слову жены, мужъ доискивается, гдѣ погребенъ Святитель Ѳеоктистъ и отъ начитанныхъ въ лѣтописяхъ узнаетъ, что Святитель погребенъ въ монастырѣ Благовѣщенскомъ. Пришедъ сюда съ больною супругою и совершивъ панихиду надъ почивающимъ угодникомъ Божіимъ, онъ скоро увидѣлъ выздоровленіе своей супруги. Признательный къ благодѣянію, дьякъ Зиновьевъ заказалъ иконописцу Софійскаго собора Ѳеодору написать ликъ Святителя Ѳеоктиста; иконописецъ найдя въ паперти Софійскаго храма, на ряду съ другими Новгородскими святителями, изображеніе Св. Ѳеоктиста, списываетъ оное и дьякъ приноситъ въ монастырь Благовѣщенскій ликъ Святителя, коего изображенія въ обители не было.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Новгородскій Намѣстникъ, Князь Василій Ромодановскій, имѣя теплую вѣру къ угоднику Божію Ѳеоктисту,

очистилъ отъ развалинъ гробъ его и соорудилъ надъ нимъ сперва часовню, а потомъ въ 1692-мъ г. каменную церковь, которая существуетъ и до сихъ поръ. (*)

За тѣмъ при мощахъ Святителя начинается рядъ чудесныхъ исцѣленій, которыя продолжаются и до сихъ поръ для прибѣгающихъ къ нему съ вѣрою.

Въ томъ же монастырѣ положены гробы двухъ старѣйшихъ Игуменовъ, Киріака и Исаіи, при коихъ сооружена и освящена церковь; подлѣ нихъ погребены ихъ преемники, болѣе знаменитые—первый Архимандритъ Кириллъ и обновитель монастыря Діонисій. Въ паперти почиваетъ кроткій Владыка Новгорода Макарій II, преемникъ Никона Патріарха на Софійской каѳедрѣ, участвовавшій во всѣхъ его соборахъ, также Маркеллъ, Епископъ Карельскій. Въ первой половинѣ минувшаго столѣтія Юрьевская обитель была мѣстомъ жительства Викаріевъ Новгородской митрополіи.

Со времени основанія обители до 1299

(*) Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ. Спб. 1846 года.

года она управлялась Игуменами; но въ царствованіе Даніила Александровича, при Архіепископѣ Ѳеоктистѣ, Игуменъ Кириллъ получилъ титулъ Архимандрита, какой за тѣмъ носили уже всѣ его преемники.

Память краткаго правленія Св. Ѳеоктиста Новгородскою паствою замѣчательна и тѣмъ для Юрьевскаго монастыря, что со времени его управленія епархіею, Настоятели получили достоинство Архимандритовъ, и сему Святителю, при коемъ возвеличена обитель, уготовано было подъ ея сѣнію достодолжное чествованіе.

Въ началѣ прошлаго столѣтія монастырь подвергся опустошенію непріятелей и, разоренный ими, утратилъ древнее великолѣпіе. При разрушеніи монастыря уменьшилось и число въ немъ иноковъ, терпѣвшихъ во всемъ недостатокъ.

Въ 1822-мъ году поставленъ Настоятелемъ туда Фотій. Вездѣ встрѣтилъ онъ слѣды опустошенія: крыши гнилыя, стѣны падающія, со всѣхъ сторонъ входы и съ проломами; цѣлое зданіе келій, съ зимнею церковью, службами и трапезою стояло внѣ огра-

ды. Дикой лѣсъ росъ по монастырю, келии, покривившись на одну сторону по покатости мѣстоположенія, отъ трещинъ и ветхости угрожали паденіемъ и казались недоступны для жительства. Птицы вили гнѣзды въ недостроенныхъ храмахъ. Сильный пожаръ въ 1810-мъ году еще болѣе исказилъ обитель, и безъ того уже бѣдную. Словомъ Юрьевъ монастырь, по внѣшнему виду, казался пепелищемъ послѣ великаго опустошенія.

Братіи находилось въ немъ такъ мало, что въ воскресные дни и въ праздники должность уставщика въ церкви исправлялъ штатный монастырскій служитель. Содержаніе было такъ скудно, что нерѣдко для трапезы братской покупали хлѣбъ на рынкѣ городскомъ. Едва Фотій вступилъ въ эту обитель, какъ въ тотъ же день вечеромъ пришелъ къ нему Намѣстникъ и сказалъ: «Отче, въ обители хлѣба нѣтъ вовсе, братіи завтра нечего ѣсть; денегъ нѣтъ у насъ никакихъ для покупки нужнаго. Что повелишь дѣлать?»

Послѣ того, что сдѣлано Фотіемъ для монастырей Деревяницкаго и Сковородскаго, понятно, что Начальство духовное не безъ

цѣли помочь монастырю, въ полномъ убѣжденіи объ усердіи Фотія къ благолѣпію святыни, назначилъ его Архимандритомъ запустѣвшей Юрьевой обители.

Съ другой стороны принять въ свое управленіе столь древнюю и знаменитую обитель въ такомъ пустынномъ видѣ, возвеличить и украсить ее, возвратить ей не только блескъ древній, но возвести въ красоту и благолѣпіе большее, былъ конечно подвигъ не малый. Фотій принялся за исполненіе его съ тѣмъ одушевленіемъ, которое, при помощи свыше, дѣлаетъ самыя трудныя предпріятія удобоисполнимыми.

И дѣйствительно, теперь нѣтъ и тѣни того, что была въ упадкѣ обитель Юрьевская. Многочисленный соборъ иноковъ ежедневно славословитъ святое имя Господне, великолѣпіе храмовъ Божіихъ изумляетъ богомольцевъ. Нынѣшняя слава Юрьевской обители высока, нынѣшнее ея благоденствіе твердо, настоящее благолѣпіе ея удивительно. Такимъ величіемъ, благоденствіемъ и богатствомъ она обязана благочестивой Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, которая несмѣтными при-

ношеніями доставила обильныя средства Архимандриту Фотію возвратить монастырю древнюю славу и великолѣпіе.

Кромѣ предметовъ, описанныхъ нами въ предъидущей главѣ, составляющихъ богатство и великолѣпіе Юрьевскаго монастыря, устроенныхъ подъ наблюденіемъ Архимандрита Фотія, на иждивеніе Графини достроена въ Юрьевѣ церковь во имя Рождества Божіей Матери въ прежнемъ древнѣмъ видѣ, и при ней освящена; ея же приношеніями возобновленъ и обстроенъ принадлежащій монастырю Юрьевскому скитъ, въ которомъ днемъ и ночью установлено чтеніе псалмовъ, прерываемое только совершеніемъ ежедневныхъ бдѣній, общаго правила и Божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни. Скитъ этотъ устроенъ въ первыя времена введенія христіанства въ Россіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ было древнее капище Новгородскаго Перуна, пережилъ нѣсколько вѣковъ, и уцѣлѣвшій только въ однѣхъ стѣнахъ каменной церкви, вновь обстроенъ по Византійскому стилю, украшенъ и обезпеченъ во всемъ; внутри скита устроенъ прекрасный для иноковъ кор-

пусъ. Но какъ обозрѣть и исчислить все то, что Графинею совершено въ пользу и для великолѣпія Юрьевской обители? Къ какой вещи ни прикоснешся въ обители, на какой камень ни ступишь; на что ни взглянешь,—вездѣ слѣды ея благотвореній, вездѣ неизгладимыми буквами красуется ея имя.

До какой степени простиралась заботливость ея о благоустройствѣ монастыря, мы знаемъ изъ того, что въ минуту, когда въ немъ горѣла церковь, Графиня прислала строительныхъ матеріаловъ на сорокъ тысячъ рублей, что жизненные припасы подвозились цѣлыми обозами; что она возобновила Георгіевскій соборъ въ необыкновенномъ великолѣпіи, что двѣ иконы въ немъ, въ томъ числѣ древняя Св. Георгія, украшены со всею щедростію, что рака Святителя Θеоктиста стоитъ около полмилліона. Сверхъ того мы имѣемъ копію съ двухъ писемъ, хранящихся въ ризницѣ Юрьевской, показывающихъ что Графиня, не довольствуясь настоящимъ, желала обезпечить монастырь и иноковъ и на будущее время во всѣхъ ихъ нуждахъ. Вотъ

текстъ этихъ писемъ безъ всякихъ перемѣнъ и сокращеній:

Письмо первое.

Преподобнѣйшему Отцу Намѣстнику Мануилу съ братіею!

«Препровождая къ вамъ при семъ билетъ Коммиссіи Погашенія Долговъ на сумму 26.300 р. сер., съ коего капитала ежегоднаго и постояннаго доходу будетъ получать святая Юрьевская обитель асс. 4800 руб., опредѣляю сіи проценты на вѣчное поминовеніе благодѣтеля Юрьевской обители Священно Архимандрита Фотія. Мое желаніе есть, дабы ранняя литургія была ежедневно совершаема въ храмѣ Похвалы Пресвятыя Богородицы о упокоеніи души въ Бозѣ почивающаго отца Фотія, и годичное чтеніе Псалтири при его гробѣ; на каковый предметъ и положила я сію сумму на вѣчное обращеніе, для полученія одних только процентовъ, неприкосновенно капитала. 31 Марта 1838 года.»

Письмо второе.

Высокопреподобный Отецъ

Архимандритъ Мануилъ!

Милостивый Государь!

«Съ давняго времени питая особенное усердіе къ древней обители Святаго Великомученика Георгія, и постоянно заботясь о приведеніи ея въ лучшее устройство по всѣмъ частямъ и о сохраненіи ея на будущее время въ подобающемъ святынѣ благолѣпіи и довольствѣ, признала необходимымъ обезпечить содержаніе Настоятеля съ братіею — хлѣбомъ, а церкви — потребностями къ богослуженію. Съ сею цѣлію 20 Іюля сего 1843 года внесла я въ Сохранную Казну С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта на вѣчное обращеніе серебромъ 85720 рублей. Препровождая при семъ къ вамъ два билета на означенную сумму: одинъ въ пятьдесятъ семь тысячъ сто сорокъ пять руб. серебромъ, а другой въ двадцать восемь тысячь пять сотъ семьдесятъ пять руб. серебромъ же, прошу васъ, чтобы на проценты съ перваго билета снаб-

ни прибѣгалъ къ ней съ просьбами о вспомоществованіи, никто не находилъ отказа. Благодѣянія ея простирались до такой степени, что Графинѣ почти не доставало ея огромныхъ доходовъ, доходившихъ въ началѣ до милліона и постепенно уменьшавшихся, для ежедневнаго раздаянія даровъ и милостыни. Слѣдуя внушенію Евангелія: *продавать имѣнія свои и раздавать милостыню для наслѣдованія вѣчной жизни,* она не прилагала сердца къ богатству и охотно продавала имѣнія свои, чтобы удовлетворять возникавшимъ отвсюду требованіямъ, которыя основывались единственно на извѣстности о необыкновенной ея щедрости. Изъ всѣхъ краевъ обращались къ ней, какъ бы къ неисчерпаемому источнику милости, въ которой не почитали возможнымъ получить отказъ. Не было дня, чтобы такимъ образомъ не утекали тысячи изъ ея рукъ; а кто о томъ знаетъ, кромѣ получавшихъ или скромныхъ раздаятелей ея милостей? Благотворя прибѣгающимъ къ ней, кто бы они ни были, почитая ихъ во Христѣ братіями, Графиня не умѣла отказать въ чемъ либо просящимъ, всегда ста-

раясь хранить втайнѣ благодѣянія свои. Много ли было образцовъ подобной щедрости, и скоро ли они повторятся? спрашиваетъ авторъ воспоминанія о ней.

«Если кто выступитъ за предѣлы нашего отечества, то и тамъ встрѣтится съ сею щедрою раздаятельницею милостыни, въ ея неистощимыхъ даяніяхъ. Церковь патріаршая Живоначальнаго источника въ Царьградѣ, при немалыхъ ея пособіяхъ, возстановлена въ благолѣпіи. Въ Александріи и Дамаскѣ обѣ патріаршія церкви украшены драгоцѣнными иконостасами, отъ нея присланными; и Св. Граду и Св. Горѣ извѣстна благотворительница, которая осыпала Востокъ нескудною милостынею; вездѣ тамъ громко имя Графини Анны, какъ бы древней Мелании; она сама сокрушалась только о такой извѣстности, и почти огорчалась, получая благодарственныя посланія патріарховъ:—столь велико было ея смиреніе, но сколько тутъ славы, не только для нея, но вообще для Русскаго имени!

«Исключительное положеніе Графини давало ей средства помогать не только деньгами,

со всею щедростію, но и своимъ покровительствомъ съ многостороннею пользою. Потому и не возвратна утрата столь высокаго лица, историческаго въ полномъ смыслѣ по своимъ великолѣпнымъ памятникамъ, и христіанскаго, по своей духовной жизни и пламенной любви къ Церкви, которой заповѣди она строго исполняла.»

Доставшееся Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ послѣ родителей имѣніе приносило ежегодно до милліона рублей ассигнаціями дохода, и стоило, по отзывамъ извѣстныхъ лицъ, до сорока милліоновъ рублей ассигнаціями. Если присоединить къ стоимости доходы съ имѣнья, которые получала Графиня до продажи его; то въ результатѣ окажется, что Графиня Анна Алексѣевна имѣла въ своемъ распоряженіи до 65 милліоновъ рублей ассигн. Въ этотъ расчетъ не включены ея бриллінты, серебро и золото, и драгоцѣнные камни, на весьма значительную сумму. Извѣстныя пожертвованія Графини для разныхъ монастырей и церквей, восходятъ до 25 мил. руб., слѣдовательно остальной капиталъ, при весьма скромной жизни своей,

она посѣяла на дѣла благотворенія. Не довольствуясь такимъ употребленіемъ имущества при жизни, Графиня, предсмертнымъ распоряженіемъ, послѣднее имѣніе свое, за исключеніемъ степныхъ земель въ Воронежской губерніи, предоставленныхъ роднымъ, принесла на дѣла богоугодныя и завѣщала:

Въ Новгородскій Юрьевскій монастырь	300.000 р. с.
Въ Почаевскую Лавру .	30.000 ——
Въ Соловецкій монастырь	10.000 ——
На 340 монастырей, по 5000 въ каждый	1.700.000 ——
На 48 каѳедральныхъ соборовъ, по 3.000 въ каждый	144.000 ——
	2.184.000(*)

Сверхъ того завѣщано ею въ непосредственное распоряженіе попечительствъ епархіальныхъ вѣдомствъ, на вспомоществованіе вдовамъ и

(*) Съ тѣмъ, чтобы весь капиталъ этотъ оставался на вѣчныя времена неприкосновеннымъ въ кредитныхъ установленіяхъ, и чтобы монастыри и соборы пользовались съ него одними лишь процентами.

сиротамъ духовныхъ лицъ Православнаго исповѣданія, въ каждую епархію по 6.000 руб. сер., ... 294.000 — —

всего 2.478.000

Занимаемый Графинею на мызѣ близь Юрьева монастыря каменный домъ, со всѣми при немъ службами, пристройками, оранжереею и садомъ и со всѣмъ имуществомъ въ этомъ домѣ, какъ то: святыми иконами, картинами, серебромъ и прочими вещами, за исключеніемъ бриллiянтовъ, принесенныхъ также на дѣла благотворенія, поступилъ, согласно ея желанію, въ полное владѣніе Юрьевской обители.

Едва ли когда нибудь и гдѣ нибудь частный человѣкъ принесъ такую жертву Богу! Перебирая въ памяти лѣтописи благотворительности и пожертвованій людей самыхъ богатыхъ и самыхъ щедрыхъ, нигдѣ не видимъ такой значительной суммы, которая показалась бы баснословною, еслибъ не были еще живы и цѣлы памятники жертвъ и даровъ Графини Анны Алексѣевны.

Намъ уже извѣстно о ея благочестіи, о

томъ какъ она предавалась посту и молитвѣ, теперь знаемъ сколько была благотворительна Графиня, въ какой мѣрѣ желала служить Церкви и ближнимъ, до конечнаго истощенія всѣхъ средствъ своихъ. Не исполнена ли въ этомъ заповѣдь Евангельская: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню: Сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идѣже тать не приближается, ни моль растлѣваетъ.* (Луки, 12. 33.)

Дай Богъ, чтобы святый и благодѣтельный примѣръ нашелъ подражаніе по мѣрѣ способовъ и средствъ людей благочестивыхъ.

ГЛАВА VII.

Последніе часы жизни Графини Анны Алексѣевны.

Проживъ около 64-хъ лѣтъ почти безболѣзненно, Графиня Анна Алексѣевна скончалась во вторникъ, 5 Октября 1848 года, въ самой Юрьевской обители. Знаменитая отрасль знаменитаго рода, единственная дочь славнаго вождя морскихъ силъ Императрицы Екатерины Великой, избравшая подвигомъ жизни своей не міръ съ его пышностію и скоропреходящимъ блескомъ, а служеніе Богу и благочестію, переселилась изъ земной жизни въ небесную, въ той самой обители, которую всегда украшала и любила, и

въ которой сама еще за нѣсколько лѣтъ до своей кончины приказала приготовить себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя.

Обстоятельства, сопровождавшія ея христіанскую и по истинѣ назидательную кончину, сколько неожиданны и поразительны, столько же многознаменательны и утѣшительны. Ангелъ смерти, не возвѣстивъ ей о внезапномъ своемъ появленіи тяжкимъ, долговременнымъ и обычнымъ при разрушеніи тѣла недугомъ, тихо и вдругъ предсталъ предъ нею въ то самое время, когда все было уже приготовлено ею къ исходу изъ жизни, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всего безопаснѣе и отраднѣе ввѣряться невидимому руководителю въ міръ дальній и безвозвратный.

5 Октября былъ день тезоименитства покойнаго Графа Алексѣя Григорьевича, почивающаго въ Юрьевской обители, въ паперти главнаго Георгіевскаго холоднаго собора. Преданная полною любовію къ памяти родителя, Графиня Анна Алексѣевна приготовилась въ этотъ день къ пріобщенію Св. Таинъ, не зная, по истинному своему благочестію и по истинной любви къ Богу, иной лучшей

дани любви родительской, кромѣ чистоты душевной, и иной болѣе спасительной жертвы, кромѣ усердной о спасеніи души его молитвы.

Съ этою цѣлію, она наканунѣ съ вечера, отслушавъ всенощную со всѣми церковными правилами къ принятію таинства Евхаристіи и послѣ всенощной исповѣдывавшись въ кельи духовника своего, бывшаго въ то время больнымъ, приготовилась такимъ образомъ встрѣтить этотъ для нея духовно-торжественный день. Въ то же время, пятаго Октября, она предполагала отправиться въ Петербургъ, ни мало не чувствуя и даже не подозрѣвая, что день этотъ будетъ послѣднимъ для ней здѣсь на землѣ, и что путь этотъ велъ ее далеко, въ міръ невѣдомый, къ престолу вѣчно Царствующаго. Наступившее утро равнымъ образомъ никакою предварительною болѣзнію не возвѣстило приближенія смерти.

Графиня встала отъ сна въ обыкновенное время бодрою и здоровою. Въ восемь часовъ утра пріѣхала въ Юрьевскую обитель въ церковь Всѣхъ Святыхъ къ ранней литургіи. Лице Графини показывало, что она по прежнему весела и спокойна; впрочемъ веселость, съ

невыразимою ласкою во взорѣ, всегда была отличительнымъ ея признакомъ.

Настоятель Юрьевскаго монастыря, Архимандритъ Мануилъ, совершалъ въ тотъ день литургію, желая пріобщить Графиню, какъ великую благотворительницу ввѣреннаго ему монастыря, совершавшую память своего родителя и готовившуюся въ путь. Въ храмѣ, бывшемъ нѣкогда уединенною келіею Священно Архимандрита Фотія, послѣдній разъ услаждалась божественною пищею христіанская душа Графини, въ залогъ вѣчной жизни и напутствія въ горній міръ. Послѣ пріобщенія Св. Таинъ и по окончаніи литургіи, Графиня ходила поклониться праху своего родителя, изъ церкви Всѣхъ Святыхъ на паперть холоднаго Георгіевскаго собора. Тамъ, по желанію ея, Настоятель служилъ панихиду по усопшемъ.

Исполнивъ такимъ образомъ долгъ благочестія и дочерней привязанности, Графиня послѣ панихиды, изъ собора возвратилась домой, на мызу свою, что подлѣ Юрьевскаго монастыря.

Въ церкви Всѣхъ Святыхъ во время ли-

тургіи находилось нѣсколько лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, желавшихъ проститься съ нею, по случаю отъѣзда ея въ Петербургъ.

Въ пятомъ часу по полудни, за нѣсколько часовъ до назначеннаго отъѣзда, Графиня вторично пріѣхала въ Юрьевскую обитель, и пошла прямо въ нижнюю церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы, для слушанія панихиды по Архимандритѣ Фотіи, которую совершалъ также Настоятель со старшею братіею. Во время панихиды въ церкви собрались всѣ Юрьевскіе иноки, по особенному уваженію къ Графинѣ, какъ благотворительницѣ монастыря. Когда кончилась панихида, Графиня Анна Алексѣевна, съ обыкновенною своею обходительностію, простясь со всѣми, ее окружавшими, приняла отъ Іеромонаховъ благословеніе въ путь. Потомъ, приложившись къ иконамъ въ храмѣ Похвалы Богородицы, одна удалилась въ пещеру, гдѣ стоитъ гробъ Архимандрита Фотія и мраморный склепъ для собственнаго ея гроба, заранѣе ею самою устроенный, и оставалась тамъ долѣе обыкновеннаго въ усердной молитвѣ; потомъ снова прикладывалась къ святымъ

иконамъ въ храмѣ и вторично входила въ погребальную пещеру (чего два раза сряду никогда не дѣлывала прежде), какъ бы не желая разстаться съ этимъ драгоцѣннымъ мѣстомъ безмятежнаго покоя. По выходѣ изъ пещеры и церкви, Графиня, въ сопровожденіи слуги своего, пѣшкомъ, опять отправилась къ праху родителя, и снова передъ гробомъ его съ особеннымъ усердіемъ молилась, а изъ паперти Георгіевскаго собора пошла въ келью больнаго своего духовника, чтобы принять и отъ него благословеніе въ путь. Въ то время у больнаго инока сидѣлъ извѣстный врачъ; Графиня приняла отъ него нѣсколько врачебныхъ совѣтовъ по случаю свирѣпствовавшей тогда эпидеміи, потомъ отъ духовника приняла благословеніе въ путь, вмѣстѣ съ духовнымъ наставленіемъ, и, слушая молитву въ путь шествующимъ, казалась здоровою и веселою. Глядя на нее, кто могъ бы подумать, что минуты ея уже сочтены и земная жизнь почти кончена, что ни молитвы преданныхъ ей иноковъ, ни усилія знающаго и опытнаго врача, не спасутъ ея отъ смерти, вѣрной и

неизбѣжной столько же, сколько и неожиданной?

Изъ келіи духовника, Графиня пошла въ покои Настоятеля Архимандрита Мануила; при входѣ на крыльцо, почувствовала стѣсненіе въ груди и сильный кашель; впрочемъ безъ посторонней помощи дошла до гостиной и сѣла на диванъ; но тотчасъ же встала и поспѣшила приложиться къ Иверской иконѣ Божіей Матери, особенно ею чтимой:—икона эта находится въ послѣдней изъ настоятельскихъ комнатъ, непосредственно прилегающей къ теплой церкви во имя Всемилостиваго Спаса. Приложившись къ иконѣ, Графиня опустилась на стулъ, потомъ вскорѣ пересѣла на диванъ, противъ образа Божіей Матери, и уже безпрестанно начала жаловаться на большее и большее стѣсненіе въ груди и на усиливающійся кашель. Замѣтивъ необычайную перемѣну въ лицѣ ея, бывшій тутъ ризничій Іеромонахъ Владиміръ поспѣшилъ позвать доктора.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Графини не стало въ живыхъ. Сидя на диванѣ прямо противъ образа Божіей Матери, съ вѣ-

рою и любовію взирая на милосердую небесную Царицу, она испустила послѣднее дыханіе, скончалась тихо и безболѣзненно, какъ бы уснула сладкимъ сномъ послѣ великаго подвига и трудовъ. Смерть ея поразила всѣхъ окружавшихъ не столько страхомъ, какой обыкновенно испытываютъ люди при внезапно-умирающихъ, сколько невыразимымъ какимъ то умиленіемъ.

Исполняя желаніе Графини, Архимандритъ Мануилъ, за нѣсколько минутъ до ея кончины, прочиталъ надъ главою молитву: «Богородице Дѣво радуйся!» благословляя умирающую, и эта молитва была послѣднею здѣсь на землѣ для блаженнаго ея слуха. Эту самую молитву, какъ мы знаемъ уже, Графиня повторяла по нѣскольку разъ въ день; для нея ночью покидала покой и часто вставала отъ сна.

Ризничій Іеромонахъ Владиміръ прочиталъ надъ Графинею молитву отходную. Сама она въ бореніи послѣднемъ только успѣла вознести нѣсколько самыхъ умиленныхъ взглядовъ на образъ Пречистой Божіей Матери Иверской, когда закрылись глаза и уста

ея, когда опустились руки на колѣни. Находившійся при ней слуга въ изумленіи упалъ на колѣни передъ своею госпожею, и горькими, непритворными слезами омочилъ ея ноги.

Такимъ образомъ, въ три четверти шестаго часа, уже не было въ живыхъ доблестной Графини Анны Алексѣевны.

Нельзя изобразить всей глубины скорби и горести иноковъ, окружавшихъ ее въ эту минуту, бывшихъ свидѣтелями неожиданной, удивительной ея кончины. Не менѣе трудно дать понятіе о той общей горести, которая вдругъ распространилась въ обители Юрьевской, привыкшей видѣть Графиню постоянно въ своемъ храмѣ. Но скорбь и сиротство обители предваряли только небольшимъ временемъ скорбь, сиротство и плачь объ усопшей многихъ потерявшихъ въ ней свою подпору и надежду. Скоро во всей обширной Россіи разнеслась печальная вѣсть о смерти Графини. Открылось великое и непритворное сѣтованіе о ней между всѣми, кто только зналъ усопшую; а кто не зналъ этой доброй жены, знаменитой по роду, еще болѣе знаменитой

и доблестной по жизни и дѣламъ? Кто не зналъ этой благодѣтельницы и покровительницы невинныхъ, помощницы сирыхъ и бѣдныхъ, успокоительницы страждущихъ и странствующихъ?

Со времени кончины Графини, въ продолженіе пяти дней, почти безпрестанно служили панихиды по усопшей. Преосвященный Епископъ Леонидъ, Викарій Новгородскій и Настоятель Юрьевской обители Архимандритъ Мануилъ съ братіею, и другіе Настоятели изъ всѣхъ Новгородскихъ монастырей, ею облагодѣтельствованныхъ, и всѣ духовные Новгородскіе, среди общаго плача богомольцевъ, въ краткихъ промежуткахъ, возобновляли духовныя мольбы о покоѣ новопредставившейся.

Въ воскресенье, 10-го Октября, происходило отпѣваніе тѣла Графини Анны Алексѣевны. При погребеніи присутствовали: Генералъ-Адъютантъ Графъ Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, Министръ Юстиціи Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Каммергеръ Владиміръ Петровичъ Давыдовъ, и другія знатныя особы, прибыв-

шія изъ Москвы и С.Петербурга; о многочисленномъ стеченіи народа и говорить нечего.

Заупокойную литургію совершалъ Преосвященный Леонидъ со всѣми Новгородскими Настоятелями и всѣмъ градскимъ духовенствомъ. — Отпѣваніе тѣла происходило съ такимъ же великолѣпіемъ духовнымъ и тѣми же лицами. Надгробное слово произносилъ Ректоръ Новгородской Семинаріи Архимандритъ Антоній.

Изъ Георгіевскаго собора, въ которомъ совершалась литургія, останки благочестивой Графини, при полномъ многочисленномъ соборѣ Новгородскаго духовенства, въ предшествіи Епископа, съ пѣсньми духовными, перенесены въ нижнюю церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, гдѣ такъ любила молиться покойная, и вложены въ мраморный склепъ, въ особой пещерѣ, рядомъ съ гробомъ Архимандрита Фотія. При перенесеніи гроба рыданія и стоны раздались по всей церкви и сопровождали усопшую до могилы: «Прости, — раздавалось со всѣхъ

сиротъ, — прости, мать наша и благодѣтельница!»

Близкіе знавшіе Графиню, умѣвшіе основательнѣе цѣнить ея достоинства, знакомые съ ней въ продолженіе многихъ лѣтъ, — судили о ея переселеніи въ вѣчность не съ меньшимъ конечно прискорбіемъ, за то съ большею свѣтлостію христіанскаго воззрѣнія. Бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія, Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, на извѣстіе о кончинѣ Графини, съ приглашеніемъ присутствовать при ея погребеніи, писалъ къ Архимандриту Мануилу: «Мы лишились живаго, назидательнаго примѣра древняго христіанскаго благочестія, столь рѣдкаго въ наше время, но мы обрѣли новую теплую молитвенницу у престола Божія. Она не забудетъ насъ и въ горнихъ селеніяхъ, какъ не забывала въ дольнихъ послѣдняго изъ братій Христовыхъ, требовавшаго ея помощи. Между тѣмъ и здѣсь въ житейскомъ морѣ, воздвизаемомъ напастей бурею, священная память ея еще долго, долго будетъ путеводительною звѣздою къ тихому пристанищу спасенія. Добродѣтели по-

почившей въ Бозѣ труженицы, съ которыхъ теперь можно уже, безъ вреда для нея, снять покровъ скромности, еще долго будутъ намъ служить урокомъ благочестія, тѣмъ дѣйствительнѣйшимъ, что онъ разрѣшаетъ едва ли не самую трудную задачу о соединеніи строгой христіанской жизни и подвиговъ келейныхъ съ обязанностями высшаго званія въ мірѣ и приличіями свѣтскаго обращенія.»

Авторъ «Воспоминанія о Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ» справедливо замѣтилъ, что довольно времени протекло послѣ кончины ея и нигдѣ не было упомянуто о ней въ повременныхъ изданіяхъ, въ журналахъ и газетахъ, обыкновенно извѣщающихъ о какомъ либо замѣчательномъ событіи, радостномъ или печальномъ. Журналы и газеты не рѣдко извѣщаютъ о событіяхъ мало замѣчательныхъ, даже иногда неимѣющихъ особаго смысла; почему же они умолчали о смерти Графини Анны Алексѣевны, которая въ теченіи пятидесяти лѣтъ подвизалась на самомъ трудномъ поприщѣ, на поприщѣ благочестія и благотворительности?

Неужели такое молчаніе знаменуетъ заб-

веніе? говоритъ авторъ Воспоминанія, и отвѣчаетъ такъ: «Нѣтъ, лице усопшей незабвенно для Церкви Православной, которая и воздала ей должную память. Какъ ни одной обители или соборной церкви не забыла въ своемъ завѣщаніи усопшая, такъ и ни одна изъ нихъ, въ свою очередь, не забыла исполнить священнаго долга благодарности. Святители собирали въ Каѳедральные свои соборы ближайшихъ Настоятелей для общей панихиды; въ лаврахъ и большихъ монастыряхъ, послѣ соборнаго поминовенія, учреждалась трапеза для нищихъ; а всѣ малыя обители не престаютъ также поминать свою благодѣтельницу на ежедневной литургіи. А сколько вдовъ и сиротъ всякаго званія, постоянно при таинственной жертвѣ приносятъ молитву объ ея упокоеніи, ради непрестающей памяти ея благодѣяній, тайныхъ и явныхъ, ибо щедрость ея къ Церкви Божіей, всѣмъ извѣстная и поражавшая взоръ каждаго, не даетъ причины предполагать, чтобы она ограничивалась только одними храмами. Та, которая благоговѣла къ святилищу Христову, не забыла и нищей Христовой братіи, и на

каждомъ шагу открываются тайныя ея благотворенія. Но, по заповѣди Евангельской, она старалась, чтобы лѣвая ея рука не вѣдала, что творитъ правая, и оскорблялась, если кто либо оглашалъ ея благотворенія.

«Неутѣшительно ли видѣть въ нашемъ вѣкѣ, въ современныхъ намъ лицахъ, повтореніе того, чѣмъ отличались первые вѣка христіанства? Такова предъ нами Графиня Анна, самымъ именемъ своимъ выражавшая благодать, ее предъизбравшую ко благу Церкви! Въ ея лицѣ какъ бы опять ожила для насъ одна изъ двухъ Меланій Римскихъ. И та и другая единокровныя, обремененныя и славою и богатствомъ своихъ предковъ, тяготятся житейскою славою; внявъ проповѣди блаженнаго Іеронима и другихъ благочестивыхъ мужей, онѣ обращаютъ свои палаты въ молитвенныя келіи, заключаясь отъ взоровъ докучливаго міра въ тайную клѣть своего дома и сердца, потомъ странствуютъ по святымъ мѣстамъ, питаютъ тамъ отшельниковъ и исповѣдниковъ имени Христова, потомъ, по мѣрѣ умноженія духовнаго богатства въ душахъ ихъ и возвышенія въ подвигахъ, хотятъ со-

вершенно развязаться съ своими несмѣтными богатствами, чтобы все раздать Церкви и нищимъ, и едва достигнувъ этой высокой нищеты, обѣ кончаютъ молитвенно дни свои подъ сѣнію Виѳлеемскаго вертепа.

«Не встрѣчаемъ ли мы нѣкоторыя черты изъ замѣчательной жизни обѣихъ Меланій Римскихъ въ нашей Русской Меланіи, если только позволено назвать этимъ именемъ Графиню Анну Алексѣевну, ибо теперь нѣтъ причины подозрѣвать въ какой либо суетной лести воздающихъ ей подобающую хвалу? И она рождена отъ знаменитыхъ родителей, и она осыпана отъ самой колыбели всѣми благами, которыхъ можетъ пожелать міръ; богатства ея выходятъ изъ обыкновенной чреды и могутъ назваться рѣдкими. И что же? увлекалась ли она обольстительнымъ ихъ блескомъ, оставшись, по смерти нѣжно любившаго ее отца, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, полною распорядительницею своей блестящей участи? Нѣтъ; по примѣру Меланій и она тяготится такимъ бременемъ, подъ которое многіе охотно подставили бы свои рамена, и слѣдуя Евангельскому слову: *трудно имѣю-*

щимъ богатство войти въ царствіе Божіе, (Лук. 18. 24.) раздаетъ все имѣнье свое Христа ради.

«Такимъ образомъ, по особенной милости Божіей, богатство, которое для другихъ часто бываетъ гибелью душевною, не отвратило ея отъ той духовной стези, по которой, избравъ ее однажды, твердо уже шла до послѣднихъ минутъ жизни. Если она на что либо рѣшалась, то уже никогда не измѣняла тому, что предположила. Быть можетъ, это могло иногда увлекать ее къ послѣдствіямъ, невсегда благопріятнымъ; но очевидная чистота ея намѣреній и то самоотверженіе, съ которымъ стремилась она къ избранной ею цѣли, должны ее оправдать всегда въ глазахъ и тѣхъ, которые не знали тайныхъ высокихъ побужденій ея души. Послѣ пламенной ея любви къ Богу, одна только пылкая любовь къ родителю исполняла ея сердце и окрыляла ея молитвы; ибо она столько же заботилась о спасеніи души его, сколько и о спасеніи собственной; ея обильныя милостыни текли отчасти для удовлетворенія сего священнаго долга; ибо она

пребыла вѣрною любви своей къ родителю и по отшествіи его изъ здѣшней жизни.»

Страшась обольщеній въ блестящемъ своемъ положеніи, она заботилась прежде всего о пріисканіи наставника духовнаго, который могъ бы руководить ее въ христіанской жизни. Какъ нашла она старца Амфилохія, мы уже знаемъ; знаемъ какъ встрѣтилась съ благочестивымъ Иннокентіемъ, чрезъ кого познакомилась съ Фотіемъ, и какимъ подвигамъ обрекла жизнь свою подъ его руководствомъ. Та, которая отъ времени до времени не переставала въ обычномъ блескѣ являться при Дворѣ, была смиренною молитвенницею въ домѣ своемъ и святомъ Храмѣ. Въ послѣдніе годы, какъ мы уже разсказывали выше, Графиня не давала себѣ покою и ночью, вставала въ полночь на молитву и солнце всегда уже заставало ее съ молитвою на устахъ, съ руками воздѣтыми горѣ. Многіе ли изъ ведущихъ жизнь въ мірѣ и ненадѣленные подобно ей всѣми земными благами, рѣшились бы на столь труженическое житіе и на нѣсколько дней или недѣль, а не только на многіе годы? И все это прикры-

то было во время краткаго ея пребыванія въ столицѣ свѣтскою любезностію и веселостію, совершенно непринужденною, ибо она дѣйствительно достигла чистотою сердца и вѣры до того состоянія младенческаго, о коемъ говоритъ Спаситель: *Аще не обратитеся и не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.*» (Матѳ. 18. 3.).

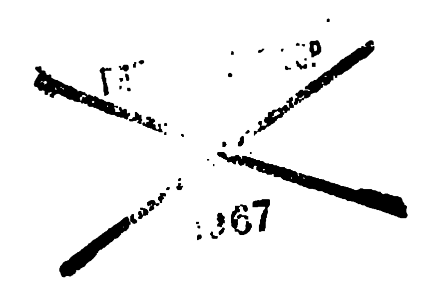
Мы изобразили жизнь Графини Анны Алексѣевны невполнѣ; знавшіе ближе покойную можетъ быть не найдутъ здѣсь многихъ о ней подробностей; но мы счастливы уже тѣмъ, что положили первое основаніе труду полезному и назидательному.

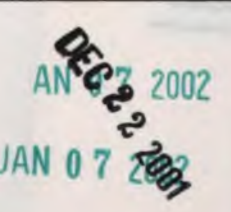
Отличительныя черты характера Графини, пламенная вѣра, смиреніе, благочестіе, и неистощимая благотворительность, не могутъ остаться безплодными примѣрами для христіанина, познавшаго суетность свѣтскихъ развлеченій и неизмѣнность вѣчнаго воздаянія.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
10,	18	несоставляли	не составляли
11	1	непереставали	не переставали
13	1	непропускала	не пропускала
18	2	вами	ваши
19	3	не знавшая	незнавшая
24	22	не уклонно	неуклонно
	25	мирскихъ	мірскихъ
38	23	одежда	одежда,
40	8	на всегда	навсегда
42	4	Ѳеотиста	Ѳеоктиста
43	1	Недовольствуясь	Не довольствуясь
55	14	которые	которыя
	24	служенія;	служенія,
58	1	сокровищь	сокровищъ
	17	храма	храма,
110	21	въ 1607	въ 1670
121	10	не малый	немалый

DEC 22 2001
JAN 07 2002

